

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г.

№ 7

Выходитъ ежедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 18-го февраля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XLIII

1912

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. А. ФЕТА,

А. И. КУПРИНА, Оскара УАЙЛЬДА.

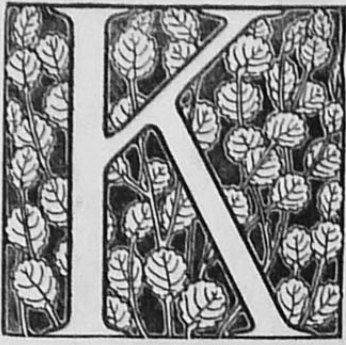
12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

Г. Ретигъ. Дикіе кабаны.

Мундиръ.

Разсказъ **Ивана Странника.**

Когда Семень Антоновичъ, въ два часа, заспанный, сутулый, въ неопрятномъ генеральскомъ сюртукѣ, вышелъ въ столовую, чтобы по обыкновенію начать день питьемъ молока, болонка Брайтъ, дремавшая передъ печкой, приподнялась безшумно, съежилась и стала робко, подъ стульями, пробираться къ двери.

Она веѣмъ своимъ существомъ, привыкшимъ подчиняться чело-вѣческимъ капризамъ и готовымъ до истерики радоваться малѣйшей ласкѣ, хотѣла уйти незамѣченной. Ласки отъ Семена Антоновича ей не дожидаться, какъ бы она ни умоляла его нѣж-нымъ, льстивымъ воемъ, тихимъ виляньемъ хвоста; въ лучшемъ случаѣ онъ даже не взглянетъ на нее, а если взглянетъ, то крик-нетъ „брысь!“ и топнетъ ногой. Этого она выносить не могла, до ужаса боялась. Въ данную минуту она крѣпко надѣялась, что ей удастся благополучно уйти. На столѣ молоко, сухари, — есть чѣмъ заняться и безъ нея... Она осторожно вышла изъ-подъ стульевъ, которые, впрочемъ, нисколько не скрывали ея, и по-ползла къ двери. Еще немножко—и она спасена. Но тутъ-то какъ разъ Семень Антоновичъ повернулъ голову въ ея сторону, топ-нулъ ногой и крикнулъ: „брысь!“ Она заскользила когтями по паркету и, перепуганная, взволнованная, шмыгнула въ кори-доръ.

Семень Антоновичъ усмѣхнулся. Онъ вспомнилъ, какъ въ бы-лое время боялись его молодые офицеры. Рука, приложенная къ козырьку, дрожала, пока ему отдавался рапортъ. И не только молодые робѣли: у сѣдыхъ стариковъ, изъ подчиненныхъ, голосъ обрывался, глаза выпучивались. Боятся ли его кто теперь? Со-бачка Брайтъ очень боится, да сестра при немъ живущая, Ека-терина Антоновна. А еще кто? Племянница, прислуга? Мало. Дерзкій сталъ теперь народъ... Вотъ онъ вышелъ въ столовую, кашлянуль, а никто здороваться съ нимъ не идетъ.

— Хей! Че-о-ѣкъ!

Звонковъ въ своей петербургской квартирѣ, въ которой жилъ пятый годъ, Семень Антоновичъ такъ и не рѣшился провести. Отъ прежнихъ жильцовъ не осталось — и не нужно ихъ, зачѣмъ деньги зря тратить. Человѣкъ его самъ знаетъ, когда приходитъ, а коли не зналъ, всегда крикнуть можно. Слышно же, лучше всякаго звонка слышно. Чтò же онъ не является? Болванъ лѣнтяй!

Онъ повторилъ, раздражаясь:

— Хей! Че-о-ѣкъ!

Вошелъ высокій, бѣлокурый латышъ съ салфеткой въ рукѣ и, вмѣсто обычнаго „что прикажете“, — сказалъ твердо:

— Ваше превосходительство, меня зовутъ Петромъ. Если вамъ не запомнить, зовите, какъ угодно: Иваномъ, Николаемъ, все равно какъ, только не „человѣкъ!“

Семень Антоновичъ закивалъ головой и началъ преувеличенно любезно улыбаться:

— Очень благодаренъ, очень, очень благодаренъ за урокъ. Меня, дурака, поучилъ. Радъ стараться!

Онъ хотѣлъ еще много прибавить обиднаго, язвительнаго, хотѣлъ объяснить, какъ смѣшна и неприлична высказанная пре-тензія, но не смогъ. Словъ не находилъ и только трясся отъ дѣ-ланнаго смѣха. Онъ вообще выражался съ крайнимъ трудомъ, бѣдно и путанно. Это его сердило.

Латышъ стоялъ молча. Онъ сказалъ то, чтò недѣлями, мѣся-цами накипѣло у него на душѣ, и успокоился, вновь сталъ без-личнымъ исполнителемъ чужихъ приказаній.

— Тимошей, Титъ, Матвѣй! — сказалъ Семень Антоновичъ, тщетно стараясь припомнить рѣдко встрѣчающіяся имена. И вдругъ прибавилъ радостно:— Оерапонть!

— Чтò прикажете?

Все лицо Семена Антоновича было красно. Ему показалось, что сердце у него забилося сильно, онъ испугался и прекратилъ свое глумленіе.

Онъ кашлянуль:

— Барышня дома?

— Вышли не надолго-съ, сказали, что сейчасъ вернутся.

— Куда пошли?

— Не могу знать. Прикажете спросить? Я Дуню позову.

Семень Антоновичъ пошевелилъ бровями, подумалъ и знакомъ отказался отъ предложенія.

— Въ церковь ходили? — спросилъ онъ и свисходительно прищурилъ глаза. Хотя онъ и презиралъ своего человѣка, а въ набожности сестры видѣлъ защиту себѣ отъ всякихъ золъ, но на всякій случай хотѣлъ дать понять лютеранину, что бабье х-жество считаетъ слабостью. Потребность заискивать у него была такъ же сильна, какъ и потребность запугивать.

— Точно такъ-съ, ходили.

„Значитъ, здорова“, — подумалъ Семень Антоновичъ.

Онъ ужасно боялся потерять свою старушку-сестру. Онъ не то, чтобы сильно любилъ ее, но нуждался въ ея попеченіи и смерти вообще боялся дико, животнò. О своей собственной, когда-ни-будь имѣющей случиться, смерти онъ и думать не смѣлъ, почти не вѣрилъ въ возможность ея. Сестра вотъ у него — дряхлая... Жутко было ему сознание, что можетъ войти смерть въ его домъ, схватить у него на глазахъ человѣка близкаго, нужнаго. Кто за нимъ тогда присмотритъ? На прислугу надежда плохая. А вѣдь онъ на службѣ, на дѣйствительной службѣ, не отставной какой-нибудь, за бортъ выкинутый. Его надо беречь.

— А маленькая барышня?

— Дома-съ.

„Маленькой барышнѣ“, Катѣ, шелъ двадцатый годъ. Она была дочь покойнаго брата Семена Антоновича; мать ея рано умерла, и Катю воспитала тетка. Когда лѣтъ пять тому назадъ Семень Антоновичъ овдовѣлъ и, благодаря своимъ связямъ и хлопотамъ Екатерины Антоновны, перевелся въ Петербургъ, онъ позвалъ къ себѣ жить сестру и племянницу. Онъ давалъ имъ помѣщеніе, такъ какъ счелъ необходимымъ, изъ уваженія къ себѣ и къ своему чину, нанять большую квартиру, но не кормилъ. За об-щимъ столомъ подавались ему отдѣльныя блюда, обильныя и изысканныя, которыя вмѣстѣ съ нимъ придумывала для него каждый вечеръ Екатерина Антоновна. Она же съ племянницей довольствовалась простымъ меню. Семень Антоновичъ былъ радъ, что у обѣихъ одно имя: Екатерина. Онъ все болѣе и болѣе утра-чивалъ способность запоминать собственные имена, особенно если не съ дѣтства привыкъ къ нимъ, и не любилъ, когда не-мощь памяти его обнаруживалась. Племянницу, въ отличіе отъ сестры, онъ часто называлъ Катей-маленькой, но это была не ласка, а опредѣленіе.

Сестру свою онъ ставилъ не высоко, такъ какъ у нея другихъ средствъ, кромѣ пенсіи, не было. Племянницу онъ ни во что не ставилъ, такъ какъ у нея ни средствъ ни пенсіи не было, и жила она на счетъ тетки. Своимъ состояніемъ, о которомъ никто точ-ныхъ свѣдѣній не имѣлъ, онъ очень гордился и забывалъ, что раздѣломъ имѣній послѣ смерти отца завѣдывалъ онъ, а капиталь Катю-маленькой послѣ смерти брата самъ, въ качествѣ опекуна, помѣстилъ въ такой банкъ, который черезъ годъ лоп-нулъ. Онъ презиралъ Катю-маленькую за бѣдность, за молодость, за то, что она не мужнина и никогда генераломъ не сдѣлается, но зналъ, что ее почему-то считаютъ умной, и завелъ привычку, во избѣжаніе насмѣшливаго отвѣта, замѣчанія ей дѣлать черезъ сестру.

Латышъ все еще стоялъ на вытяжкѣ и ждалъ приказаній. Се-мень Антоновичъ подбородкомъ указалъ ему на дверь и грузно сѣлъ за столъ. Молоко ему подавалось въ кувшинѣ. Всего должна была быть бутылка полностью. Онъ точно зналъ, сколько это со-ставить чашекъ, и, наливая, провѣрялъ количество. Сегодня, какъ и всегда, вышло по мѣркѣ, до капли. Никто ничего не укралъ.

Онъ вздохнулъ съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія. Впрочемъ, мелочей у него не крали: запилил бы до полусмерти сестру, а она бы всполошила весь домъ. Зато крупная кража

въ прошломъ году случилась, и воръ исчезъ безслѣдно. Стыдно и горько было Семену Антоновичу объ этомъ вспоминать. Ничего не могъ онъ тогда сдѣлать. Номера пропавшихъ бумагъ не зналъ, при показаніи началъ бы путать. Онъ мучился долго: и косноязыченъ онъ, и память у него невѣрная, и дѣла свои рассказать не можетъ и не хочетъ. Гдѣ ему уличить мошенника? Все только про него самого разублажаютъ, безъ всякой пользы для него. Начнутъ судачить, осмѣютъ. Ослабѣлъ онъ.

Выпивъ маленькими глотками все молоко, онъ сталъ прислушиваться, нѣтъ ли кого въ коридорѣ. Ему хотѣлось пройти въ комнату сестры, не встрѣтивъ горничной Дуни. Вчера съ нимъ случилась неприятность. Онъ велѣлъ затопить ванну и самъ слѣдилъ, чтобы дровъ лишнихъ не жгли. Съ четырехъ полѣнъ должна была согрѣться ванна. Надо было не прозѣвать и открыть кранъ, когда печка всего горячѣй. Онъ на прислугу не полагался: захотятъ доказать, что нужно больше дровъ класть, и нарочно дадутъ печкѣ остыть. Онъ самъ пошелъ и пустилъ воду. Полилась она не то, чтобы совсѣмъ горячая, но какъ разъ. Открылъ кранъ и торжествовалъ. Отошелъ не надолго, а въ самой ваннѣ забылъ посмотреть, закрыта ли дырка для стока воды. Она закрыта не была, и когда онъ крикнулъ: „Хей, че-о-ѣкъ, раздѣваться!“ — ванна была пустая и печка холодная. Очень ему было обидно. А горничная Дуня пробѣжала мимо него, закусивъ губы, и онъ прекрасно слышалъ, какъ она сквозь хохотъ сказала кухаркѣ: „Глядите нашъ генераль на дырку, не вытащить ли изъ нея обратно теплую воду, а въ рукѣ щетка съ четырьмя волосинками, да мочалка изъ пяти волоконъ. Приготовился“. Досталось въ тотъ вечеръ Екатеринѣ Антоновнѣ, особенно за безволосую щетку. Клялась старушка, что не она выдала, что и сама не знала, какая у него щетка, а онъ все повторялъ: „Конечно, ты богатая женщина, богатая женщина, приучила людей своихъ къ роскоши, богатая, конечно, богатая.“

Хорошенькой Дуни отъ него не попало, но встрѣтить ее съ глазу на глазъ онъ еще не хотѣлъ.

Въ половинѣ сестры комнаты были невзрачныя, и полы не паркетныя. Онъ шмыгнувъ въ коридоръ, раскрылъ дверь и попалъ въ простенькую, почти монашески-бѣдную, комнату.

Въ углу большая божница съ древними и новыми иконами, крестами, ладанками. На ризахъ большихъ образовъ висѣли четки. Просвирки окаменѣлыя лежали рядомъ съ засохшими цвѣточками изъ Іерусалима, колечкомъ отъ раки великомученицы Варвары и какой-то шапочкой. Тихой защитой отъ бѣды мірскихъ вѣяло здѣсь. Лампадка при дневномъ свѣтѣ бесполезно и свято горѣла. Закапанный восковыми слезами крошечный, по канвѣ вышитый, колѣнями изношенный, коврикъ говорилъ о долгихъ смиренныхъ молитвахъ.

Здѣсь вымаливаетъ ему сестра здоровье и благополучіе и почетную службу, вымолить и теплое мѣстечко въ Божьемъ раю. Онъ вѣдь много дѣлаетъ для сестры, много всегда дѣлалъ для семьи. Правда, онъ по смерти отца оказался богаче всѣхъ и, благодаря бережливости и усердію по службѣ, все богатѣлъ, но вѣдь онъ раза два выручилъ братьевъ изъ бѣды, сестрѣ есть что представить въ его защиту Богу. Онъ вдругъ похолодѣлъ, поймавъ себя на мысли о смерти. Но остановить думу не могъ. Онъ выручалъ, но какъ? — съ безконечными упреками, съ жаднымъ желаніемъ унижить и оскорбить. Вздоръ, это для пользы ихъ было, чтобы опять не дурили. Матери иногда помогать... Все, глупая, тратила на безпутныхъ дѣтей. А какъ помогать? Лицо ея морщинистое слезами обливалось, и рука дрожала, принимая его деньги. И какъ она благодарила его, какими словами, изъ глубины души всплывшими, благодарила его, а обнимала того, негоднаго, безпутнаго, за котораго просила. вмѣсто образовъ въ божницѣ показалось ему за стекломъ старое, съ голубыми слезящимися глазами, лицо его матери; показалось, лиловыми добрыми губами улыбнулось такъ горько и опять исчезло. Онъ началъ, мелко крестясь, припадать на одно колѣно и быстро подниматься, опять припадать и подниматься. Страхъ былъ въ его сердцѣ и желаніе что-то замолить; каждый день пробирался онъ къ божницѣ украдкой, каждый день молился, но матери своей онъ раньше не видалъ за стекломъ взамѣнъ образовъ. Не зоветь ли она его? Или просто пришла такъ, опять благодарить, какъ встарь благодарила?

Онъ отошелъ отъ божницы. Въ дверяхъ еще разъ закрестился, опустился колѣномъ на голый полъ, что-то пытался объяснить всѣмъ этимъ судьямъ, святымъ въ золоченыхъ ризахъ, и Богу невидимому, главному Начальнику, передъ Которымъ, — не скоро еще конечно, о, нѣтъ, не скоро, — но придется явиться. Поручивъ себя молитвамъ сестры, заступничеству матери, — такъ горячо любившей своихъ дѣтей, такъ многимъ ему обязанной, — онъ наконецъ ушелъ.

Въ общей парадной гостиной онъ увидѣлъ Катю-маленькую. Она стояла спиной къ нему и смотрѣла въ окно. Заслышавъ его шаги, она повернулась и поспѣшно, вѣжливо подошла.

Онъ подставилъ ей щетинистую щеку. Что-то милое показалось ему въ этой дѣвушкѣ; только отчего глаза у нея такіе не по годамъ холодные, и губы такъ строго сложились? Ему захотѣлось поговорить съ ней, получить отъ нея похвалу.

— Катя, Катя-маленькая! Ты, ты вѣдь помнишь ма-ень-ку?

— Еще бы, — отвѣтила Катя: — бабушка умерла, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ.

— Святая была женщина, — да святая?

— Лучше бабушки никогда никого на свѣтѣ не было и не будетъ, — отвѣтила Катя. Она вспомнила теплую ласку къ ней старушки, сердечную чуткость, ту любовь, которая навсегда украсила ея сиротскую жизнь, вдохнула въ душу вѣру и бодрость.

— Ма-ень-ка меня очень любила, да? — спросилъ Семенъ Антоновичъ. — Я много для ма-ень-ки дѣлалъ? Говорила она тебѣ?

— Говорила, — отвѣтила Катя. И, подумавъ, прибавила: — да, вы для ея сыновей сдѣлали... — она заплакала и прибавила: — много.

— Братьевъ выручалъ? А? Говорила она тебѣ?

— Она хвалила васъ за это, — отвѣтила Катя.

Лучъ самодовольствія зажегся въ глазахъ Семена Антоновича. А Катя улыбалась ему свѣтски любезно. Ей вспомнилось, какъ металась на креслѣ старушка: „Семущка придетъ, начнетъ меня укорять“. Вспомнила и промолчала.

Семену Антоновичу захотѣлось воскресить память другой озарившей его жизнь любви.

— А Евгению Борисовну помнишь?

Это была его покойница-жена, семь лѣтъ съ нимъ прожившая. Она дѣйствительно влюбилась какъ-то непонятно въ красиваго еще тогда генерала, вышла за него замужъ и никогда не жаловалась. Звала его свѣтикомъ и яснымъ соколомъ. Что любила она въ немъ: его ли самого, или осуществленіе честолюбивой мечты? У него все больше и больше запинался языкъ, — она подсказывала ему слова; онъ становился все мнительнѣе и скупѣй, — она для него находила извиненіе. Но она умерла. Что задавило ее, молодую?

— Помню, — отвѣтила Катя: — я ее нѣсколько разъ видѣла.

— Какая женщина! Красавица была.

Евгения Борисовна не была хороша, Катя замѣтила это ребенкомъ, но неудовимое очарованіе у нея было несомнѣнно. Неправильныя черты ея освѣщались великолѣпными ласковыми глазами, а улыбка большого рта была прелестна. Катя помнила ея нѣжныя матовыя руки, съ тонкими пальцами, онѣ казались хрупкими и поражали при общей полнотѣ тѣла.

— У нея были точеныя руки, — сказала Катя.

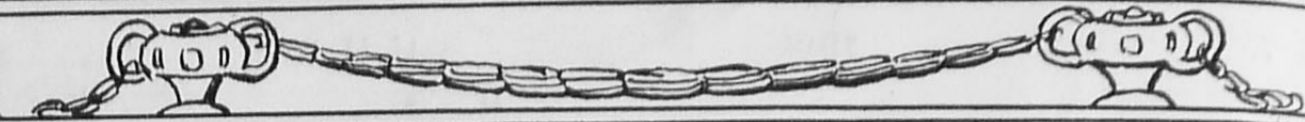
— Какія руки! — залепеталъ Семенъ Антоновичъ: — и ноги... Вся, вся!

Онъ заволновался, покраснѣлъ, искоса поглядѣлъ на себя въ зеркало, выпрямился и гордо поднялъ голову. Проснулась въ обрюзгомъ старикѣ съ включенными волосами память о минувшихъ побѣдахъ. Онъ выставилъ грудь, и пятна отъ разныхъ соусовъ янѣе вырисовались на полинявшемъ сюртукѣ. Вѣки его покраснѣли, онъ забѣгалъ мелкими шагами.

„Мучилъ ли онъ Евгению Борисовну, какъ мучилъ мать, сестру, всѣхъ?“ — спрашивала себя Катя. Она ничего опредѣленнаго не знала про его жизнь. Рассказывали, что онъ изступленно торговался изъ-за всѣхъ подробностей похоронъ жены, и что въ бумагахъ покойницы нашли ея почеркомъ написанный черновикъ телеграммы, извѣщавшей отъ его имени родню о приговорѣ врача: „Евгения Борисовна безнадежна“. Онъ ли просилъ составить черновикъ, она ли сама, зная его недовѣріе къ себѣ, страхъ обнару-

КОНКУРСНАЯ
ВЫСТАВКА
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМИИ
ХУДОЖЕСТВЪ

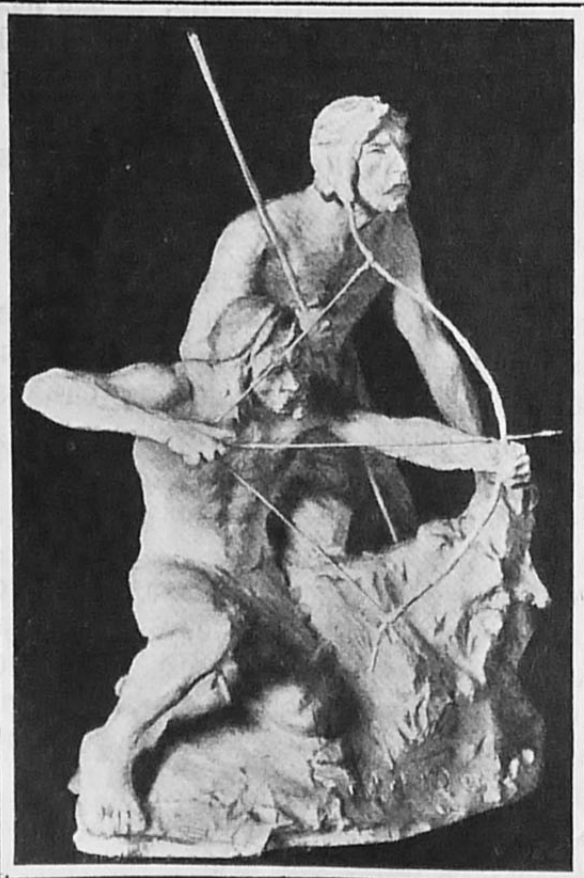
П. Шилинговскій. Въ Бессарабіи. Присуждено званіе художника.

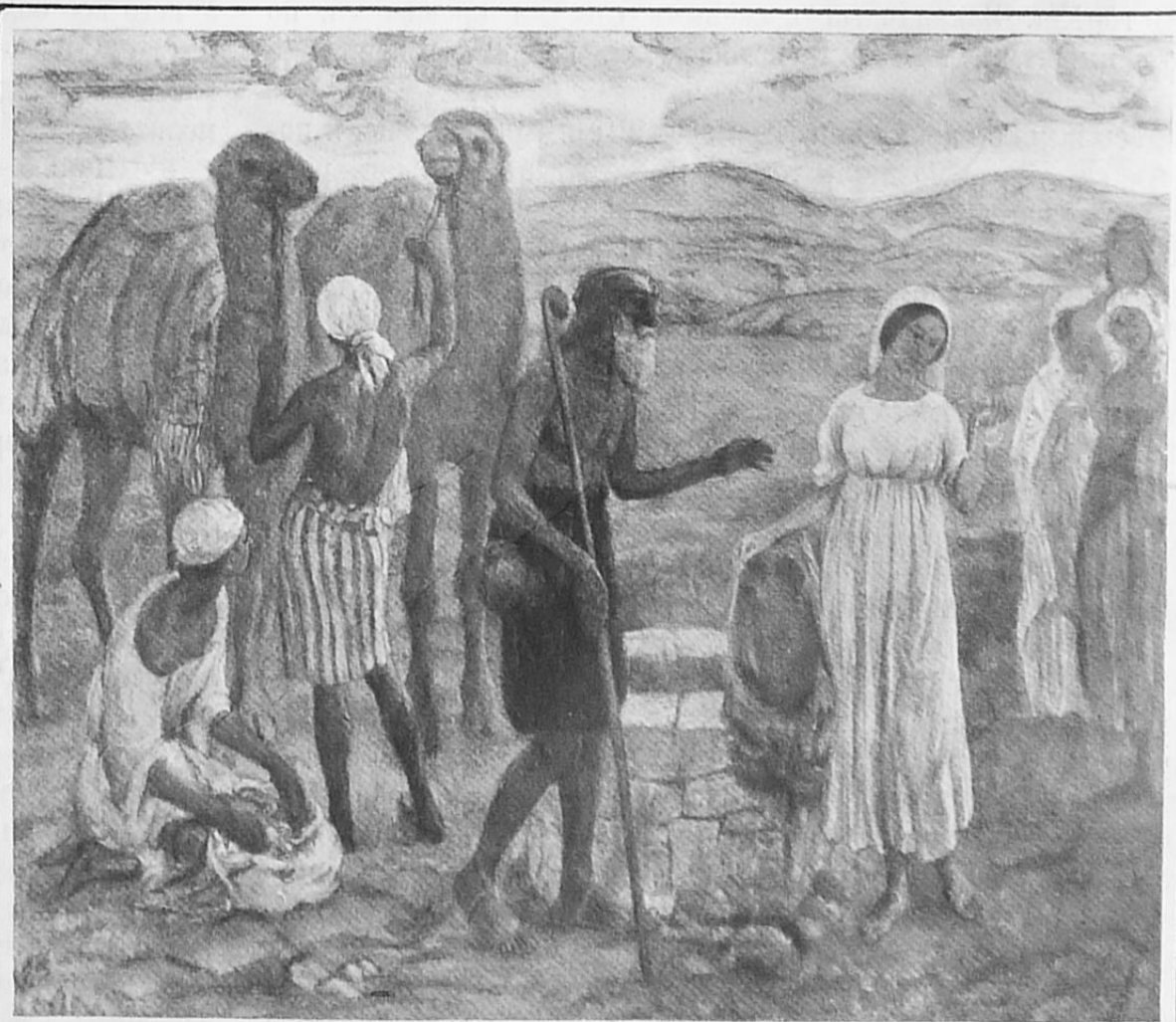
Д. Шараповъ. Изъ жизни Востока. Присуждено званіе художника.

Н. Бутлеръ. За роялемъ. Офортъ въ краскахъ. Присуждено званіе художника.

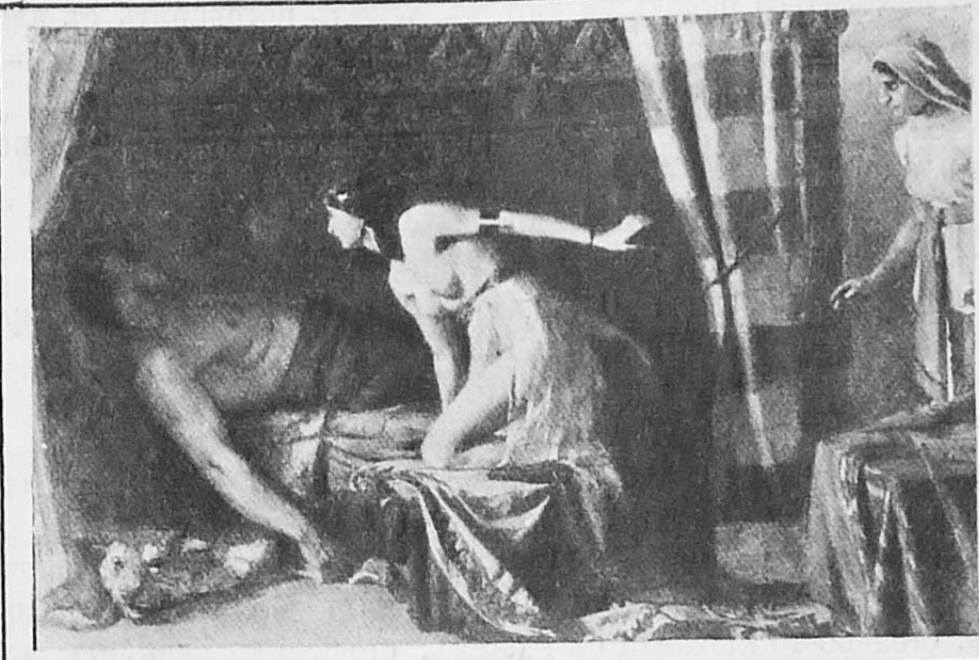
М. Блохъ. Охота.

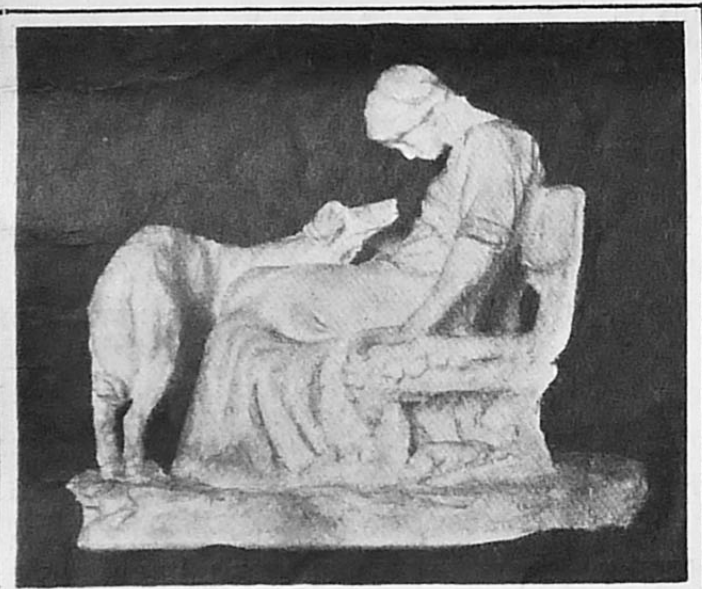
П. Наумовъ. Ревекна и Елеазаръ. Присуждено званіе художника.

П. Добрынинъ. Царское строительство (XVII в.).
Присуждено званіе художника.

Д. Федотовъ. Самсонъ и Далила.
Присуждено званіе художника.

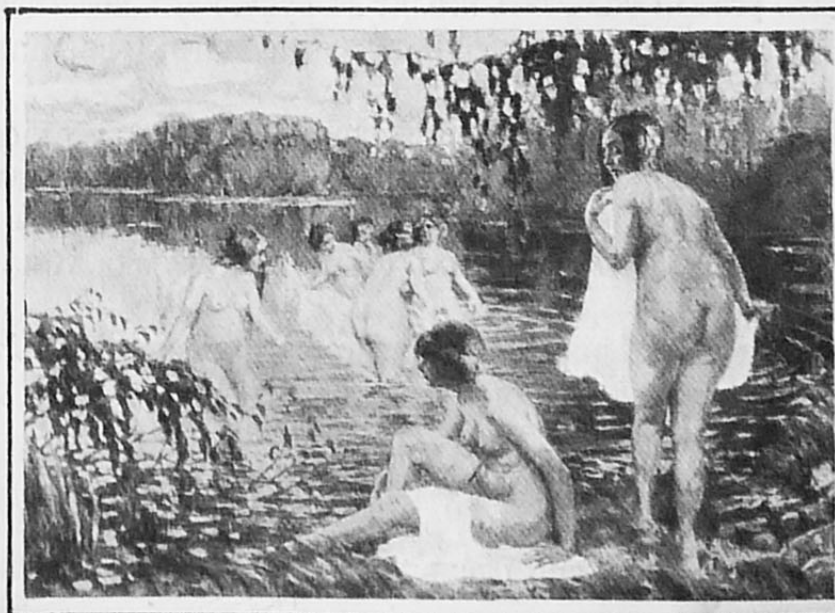
Ф. Могилевскій. Эскизъ.

А. Королевъ. Тихо на озерѣ. Присуждено званіе художника.

К. Линблатъ. Самсонъ. Присуждено званіе художника.

Н. Сергѣевъ. Лѣто.
Присуждено званіе художника.

жить свой умственный упадокъ, умирающей рукой сняла съ него эту заботу? Кто скажетъ?

Катя съ поджатыми губами слѣдила за нимъ.

„Упросить!“—рѣшила она.

Генераль успокоился, замедлилъ шагъ. Онъ задумался надъ самымъ для него важнымъ: выжилъ онъ, а не жена, значить— онъ крѣпокъ. Выжилъ, въ столицу переѣхалъ, въ отставку не подалъ. Износились все вокругъ него, а онъ крѣпокъ.

Онъ вспомнилъ про сестру. Отчего ея нѣтъ? Онъ успѣлъ незамѣтно помолиться передъ ея кѣтомъ, успѣлъ поговорить съ племянницей,— съ сестрой онъ избѣгалъ разговора о прошломъ,— теперь бы ей прійти. Мало ли о чемъ надо позаботиться?

— Куда пошла Катенька?—спросилъ онъ, остановившись передъ племянницей.

— Къ Вѣрѣ Ивановнѣ Навроцкой.

— Сколько ей лѣтъ?

Катя не улыбнулась. О годахъ Вѣры Ивановны разговоръ былъ чуть ли не каждый день.

— Девяносто три года.

— Какъ это знаютъ? Кто это сказалъ?

— Какъ вообще знаютъ, сколько людямъ лѣтъ. Она сама говоритъ, нѣкоторые помнятъ.

— Можетъ-быть, путаютъ. Сама, можетъ-быть, забыла, вретъ.

— Не думаю. Она говоритъ, что такихъ-то лѣтъ вышла замужъ, столько-то прожила съ мужемъ, столько-то вдовѣтъ, все цифры подходятъ.

— Какія цифры,—ну, скажи!

Терпѣніе Кати начинало изсякать, она рѣшила нанести Семену Антоновичу легкой ударъ.

— Вѣра Ивановна теперь больна,—сказала она.

— Какъ больна?—воскликнулъ онъ. Девяносто три года, и больна! Все была здорова и вдругъ больна?

Онъ круглыми отъ испуга глазами смотрѣлъ на Катю.

— Не опасно,—солгала она.

— Тогда скажи: нездорова, а то: больна!

Онъ замолчалъ, ушелъ въ какія-то свои мысли. Спрашивалъ себя, все ли у него ладно съ желудкомъ. Не пора ли винограду поѣсть или винныхъ ягодъ? Фрукты онъ держалъ въ буфетѣ и никогда никому не предлагалъ. Доставалъ ихъ самъ и ѣлъ одинъ, изъ корзинки, жадно и грязно. Постороннихъ при этомъ, кромѣ сестры, онъ не терпѣлъ.

Ему захотѣлось отдѣлаться отъ Кати.

— Я подожду Катеньку,—сказалъ онъ:—а ты пойдн... займайся у себя тамъ, у себя...

Катя ушла. Заниматься ей было трудно. Книгъ ей не давали, на курсы не пустили. По хозяйству ей дѣлать было нечего: тетка любила вести хозяйство единолично, считала это дѣломъ огромной важности и трудности, почти фантастически сложнымъ. Катя вышивала по тончайшей канвѣ коверъ, терпѣливо, какъ невольница. Вышивала, упорно думала и ждала.

Едва успѣла она взять иголку въ руку, какъ послышались нервный звонокъ въ передней и бѣгающіе шаги Дуни. Катя воткнула иголку и пошла встрѣчать тетку.

Въ передней Екатерина Антоновна стягивала съ себя платки и косынки. Дуня снимала съ нея шубу. Резиновые глубокия калоши уже валялись одна подъ столомъ, другая подъ вѣшалкой, съ такой силой смахнула ихъ съ ногъ старушка. Она торопливо освѣдомлялась:

— Всталъ? Спрашивалъ, гдѣ я? Чтѣ теперь дѣлаетъ?

— Не торопись,—отвѣтила Катя:—онъ теперь ѣстъ винограду. Да, спрашивалъ.

— Ты говорила, гдѣ я?

— Говорила.

— Вѣра Ивановна очень плоха. Ну, какъ я ему скажу, когда она умретъ?

Катя пожала плечами:

— Догадается и самъ не спросить.

Екатерина Антоновна была похожа на брата, но въ уменьшенномъ и смягченномъ до послѣдняго предѣла видѣ. Семенъ Антоновичъ былъ грузенъ и широкоплечъ, она была крошечнаго роста, сморщенная, сгорбленная. У него лицо подолгу оставалось неподвижнымъ и только вдругъ, при сильномъ душевномъ движеніи—

гнѣва, презрѣнія, издѣвательства—искажалось гримасой. У нея же все черты ходуномъ ходили, глаза искрились безпокойствомъ, любопытствомъ и всегда, по всякому поводу, готовымъ вспыхнуть страхомъ. Оба путались въ словахъ, но онъ изъ осторожности говорилъ очень мало, она же лепетала безпрерывно, при чемъ слова не поспѣвали за скачущей мыслью и самымъ неожиданнымъ образомъ переплетались. Злости и желчи въ ней не было и тѣни, хотя ничего на свѣтѣ такъ судорожно ее не занимало, какъ чужая бѣда или даже легкая неудача.

Съ Катей она видѣлась уже два раза за этотъ день: утромъ— за чаемъ, и потомъ во время торопливаго завтрака у себя въ ихъ маленькой гостиной. Онъ не ѣли въ столовой до выхода генерала изъ своей комнаты, чтобы неосторожнымъ стукомъ не разбудить его. Но ни за чаемъ ни за завтракомъ она не успѣла поговорить съ племянницей, такъ какъ раздавала приказанія прислугѣ и по десяти разъ переспрашивала одно и то же у горничной и у кухарки.

— Не ходитъ еще къ нему?—спросила она Катю и, не дождавшись отвѣта, побѣжала въ свою комнату. Катя за нею.

Екатерина Антоновна сѣла на кресло, поджала подъ себя одну ногу, вздохнула и тотчасъ вскочила:

— Гдѣ мой ключъ?

Ключъ былъ у нея въ карманѣ.

Она опять сѣла:

— Ну, чтѣ скажешь?

Въ коридорѣ громко закашлялъ генераль.

— Иду, Семушка,—сказала Екатерина Антоновна и бочкомъ, придерживая шаль, побѣжала навстрѣчу брату. Она остановилась передъ нимъ въ коридорѣ, загораживая ему дорогу, и вопросительно посмотрѣла ему въ глаза. Видъ у него былъ озабоченный, она это замѣтила и сильнѣе заволновалась. Они поцѣловались.

— Здравствуй, здравствуй,—проговорилъ онъ скороговоркой.—Здравствуй.

И опять кашлянулъ:

— Какъ зовутъ того?

— Кого, Сема?

— Того, капитана...

— Не знаю, подожди. Ивановъ, Анисимовъ... Право, не знаю.

— Такъ бы и говорила. А то: Ивановъ, Анисимовъ...

Онъ вдругъ улыбнулся съ дѣланной развязностью:

— А такая исторія, я самъ забылъ, такъ сказать, совсѣмъ забылъ...

Екатерина Антоновна почувствовала настоящей испугъ. Глаза ея забѣгали быстрѣй. Дѣло ей показалось совсѣмъ не шуточнымъ.

„Капитанъ“ управлялъ имѣніемъ Семена Антоновича и два два въ годъ присылалъ ему денежные отчеты. Генераль въ большой тайнѣ отъ сестры держалъ эту переписку и никогда не говорилъ, сколько именно получалъ дохода. А вотъ теперь имя „капитана“ забыто. Катеринѣ Антоновнѣ показалось, что отъ этого онъ облакался таинственной властью, какимъ-то безконтрольнымъ всемогуществомъ.

Семенъ Антоновичъ еще подбавилъ ей страху:

— И я, такъ сказать, адреса тоже не помню.

Онъ все улыбался, стараясь придать своей забывчивости случайный, почти забавный и остроумный характеръ. Но Катеринѣ Антоновнѣ было не до смѣха. Хотя она ни копейкой отъ брата не пользовалась, но дорожила его богатствомъ, тщеславилась имъ. Она что-то смутно знала о десятилѣтней давности на владѣніе имѣніемъ. Проидутъ года, капитанъ, отъ котораго никто отчета не будетъ требовать, молчкомъ все заберетъ себѣ.

— Ты, Сема, когда писалъ ему?

— Кхе! такъ сказать, въ прошломъ году.

— Екатерина Антоновна стала искать помощи:

— Спросимъ Катю, у нея память хорошая. Ты, можетъ-быть, при ней называлъ капитана?

Семенъ Антоновичъ пожалъ плечами:

— Спроси, такъ сказать, коли хочешь.

Позвали Катю. Она имени капитана не знала, но предложила написать: Г-ну Управляющему имѣніемъ „Тополя“.

— Курской губ. и уѣзда!—торжественно договорила за нее Екатерина Антоновна и засіяла.

Семенъ Антоновичъ поблѣднѣлъ:

„Онѣ знали! О проныры! Онѣ знали больше, чѣмъ нужно. Онѣ во всякое время могли бы, если захотѣли, навести справки“.

Онѣ сдѣлалъ видъ, что ошеломленъ дурацкимъ предложеніемъ Кати, и, какъ всегда, прибѣгъ къ издѣвательству:

— Очень благодаренъ, да, очень благодаренъ! Такъ, безъ фамиліи! Конечно, дойдетъ. А ихъ, можетъ-быть, у меня тамъ сто человѣкъ, управляющихъ-то... Сто человѣкъ!

Онѣ то поверхъ Екатерины Антоновны смотрѣлъ на Катю, приклонившуюся къ стѣнѣ, то опускалъ взоръ на Екатерину Антоновну, при чемъ особенно язвительно кривилъ губами.

— А еще говорила мнѣ,—онѣ подбородкомъ указалъ на племянницу:—что у нея память хорошая.

— У меня память обыкновенная,—сказала Катя.—А то, что мнѣ никто не сообщалъ, я не могу помнить.

Она повернулась и пошла къ себѣ. Генералъ въ слѣдъ ей крикнулъ:

— Совѣты даешь, хорошіе совѣты! Очень благодаренъ, очень благодаренъ.

Кати удержалась и не пожалала плечами. Въ своей комнатѣ она прямо подошла къ зеркалу и пристально поглядѣла на свое отраженіе. Блѣдное лицо, съ гадливыми мыслями подъ гладкимъ, бѣлымъ лбомъ, ей показалось суровымъ и неискреннимъ.

— Чтѣ они изъ меня дѣлаютъ?—шепнула она и опустила глаза.

А въ коридорѣ братъ и сестра топтались на мѣстѣ другъ передъ другомъ, не замѣчая этого, и произносили безсвязныя слова, полныя для нихъ обоихъ значенія и вѣса. Они договорились до того, что временно успокоились, и тогда вмѣстѣ пошли въ большую гостиную.

Но тамъ опять Екатерина Антоновна дала промаху. Замѣтивъ, что братъ поглядываетъ на часы, она сказала:

— Тебѣ пора къ Вадимову. Смотри, опоздаешь.

Генералъ Вадимовъ былъ товарищъ Семена Антоновича по корпусу и затѣмъ по полку. Чинами они и теперь были равны, но по тому положенію, которое онѣ занималъ въ Петербургѣ, по той высокой дружбѣ, которой удостоился, Вадимовъ былъ гораздо важнѣе. Теперь, что наступила для него старость, онѣ якобы отстранился отъ дѣлъ и заперся въ своей роскошной холостецкой квартирѣ, гдѣ на всѣхъ стѣнахъ висѣли, на всѣхъ столахъ, столикахъ, консоляхъ и этажеркахъ стояли портреты сильныхъ міра сего. Выходилъ онѣ разъ въ день, рано утромъ, и, какъ онѣ выражался, инкогнито, т.-е. не замѣчая знакомыхъ, если таковые попадались ему, и отправлялся въ крѣпость поклониться обожаемымъ могиламъ. Легкая тѣнь грусти весь день не сходила съ его лица. Онѣ самъ крѣпко вѣрилъ въ свое затворничество, чтѣ не мѣшало ему за дневнымъ чаемъ неизмѣнно принимать у себя человѣкъ пять-шесть генераловъ. Семенъ Антоновичъ былъ его самымъ постояннымъ посѣтителемъ и считался его другомъ. Онѣ, какъ и всѣ остальные гости, признавалъ главенствующее значеніе Вадимова по той особенной, доведенной до художественности, преданности царствующему дому, которой Вадимовъ всецѣло былъ пропитанъ, какъ тонкими духами. Преданностью вѣяло отъ него, преданность лежала на немъ красивой, неизгладимой печатью, преданностью дышалъ онѣ. И всѣ это знали и съ затаенной безнадежной завистью вмѣняли въ высокую заслугу.

Каждый день, въ четыре часа, въ тускло освѣщенный богатый кабинетъ, гдѣ позолота рамъ покрывалась траурнымъ флеромъ, тихо позвякивая шпорами, а кто и аксельбантами, входили одинъ за другимъ, мягко шагая по густымъ коврамъ, старики-генералы. Скорбно-радушно встрѣчалъ ихъ хозяинъ, котораго они пришли утѣшать въ томъ, что пережилъ онѣ друга-монарха. Сдержанно звучали голоса, привыкшія когда-то выкрикивать команды, нѣжно брались за тонкія чашки нѣкогда мощныя руки. Всѣ генералы вздыхали, когда Вадимовъ устремлялъ свой взоръ на излюблен-

ный портретъ, и мысленно каждый говорилъ себѣ: „Онѣ такъ любилъ его“. Дамы никогда на эти собранія не приглашались, но Екатерина Антоновна до точности знала все, чтѣ на нихъ происходило. Знала, что Семенъ Антоновичъ, менѣе всѣхъ рѣчистый и позволявшій себѣ только вздыхать, кряхтѣть и изрѣдка заявлять: „Да, такъ сказать, измѣнился Петербургъ“,—поѣдалъ слишкомъ много сладкихъ пирожковъ. На его столикъ, какъ только онѣ опустошалъ одну тарелку, ставилась другая, а хозяинъ любезно-грустно говорилъ: „Кушай, Семенъ Антоновичъ, эти, кажется, ничего“. И Семенъ Антоновичъ ѣлъ, ѣлъ безъ конца. Мучительно сознавала Екатерина Антоновна, что другимъ генераламъ, съ женами и престарѣлыми сестрами которыхъ она была знакома, это казалось страннымъ.

Семенъ Антоновичъ предполагалъ, что дома никому неизвѣстно, гдѣ онѣ бываетъ, съ кѣмъ онѣ видится, чтѣ вообще дѣлаетъ. Подобострастіе къ себѣ окружающихъ онѣ думалъ поддерживать таинственной важностью своей жизни. Но часто вечеромъ, сообщая съ напускной небрежностью какую-нибудь новость Екатерины Антоновны, онѣ проговаривался въ томъ, что узналъ ее отъ Вадимова. Онѣ придавалъ огромное значеніе этой своей дружбѣ, суевѣрно боялся сглазить ее, берегъ про черный день, на тотъ случай, равносильный смерти по ужасу, если ему предложить выйти въ отставку. Служить онѣ рѣшилъ до конца и въ Вадимовѣ видѣлъ оплотъ и спасеніе. Онѣ ни за что бы не сознался, что посѣщенія его Вадимова сдѣлались установленной ежедневной привычкой,—такая увѣренность могла бы навлечь на него бѣду,—и потому онѣ испугался словамъ сестры и тотчасъ замаскировалъ свой страхъ видомъ презрѣнія.

— Къ Вадимову? Кто тебѣ сказалъ? Ты все знаешь.—Онѣ передразнилъ сестру:—Къ Вадимову не пора ли? Опоздаешь!

Екатерина Антоновна забарахталась среди неподходящихъ словъ, предлагавшихъ себя съ неразумной поспѣшностью въ ея оправданіе. У нея наконецъ вылетѣла та фраза, которая всего больше могла разсердить генерала:

— Да ты, Сема, каждый день къ нему ходишь...

Онѣ ничего не возразилъ, зловѣще затихъ, потемнѣлъ весь. Онѣ почувствовалъ, какъ по сердцу ему заскребло что-то медленно и настойчиво. Да, онѣ все знаютъ, слѣдятъ за нимъ шагъ за шагомъ, стерегутъ. Ждутъ—не дождутся его смерти, а пока караулятъ: куда пошелъ, не соритъ ли деньгами, не завелъ ли интригу?... Дверь безшумно открылась, и вошла Катя. Она почувствовала ссору между стариками и съ брезгливымъ любопытствомъ рѣшила узнать, въ чемъ дѣло. При ней Семенъ Антоновичъ нѣсколько стѣснялся, не такъ жестоко упрекалъ за мелочи сестру. Но въ этотъ разъ появленіе Кати его еще болѣе вывело изъ себя. Онѣ усмѣхнулся, закашлялъ и, улыбаясь, изрекъ давно приготовленную на всякій случай угрозу:

— Я думаю, такъ сказать, жениться...

Екатерина Антоновна поблѣднѣла. Не будетъ, значитъ, у нея большой квартиры на хорошей улицѣ, отыметъ роль ангела-хранителя, забудутъ ее всѣ. Въ старости придется еще съезжиться, смириться. Она испуганно взглянула на племянницу. По замороженному лицу Кати скользнула улыбка.

— Скоро ли свадьба?—съ любезнымъ участіемъ спросила она Семена Антоновича.

Онѣ по-совиному, круглыми глазами, уставился на нее и молчалъ, думалъ о своемъ смутномъ, важномъ. И понемногу лицо его успокоилось, и взглядъ потускнѣлъ.

Онѣ старался сообразить, правильно ли у него бьется сердце. И не могъ рѣшить. Онѣ слышалъ стукъ молотковъ и не зналъ, шумитъ ли у него кровь въ ушахъ, или дѣйствительно гдѣ-то недалеко вбиваютъ гвозди въ стѣну. И боялся спросить. Онѣ повернулся и, сторбленный, дрожащій, ушелъ къ себѣ переодѣться.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Вамъ все не вѣрится, понять не удастся,
Что дружбой страсть смѣнилася давно...
Но не отъ мутнаго ль броженья создается
Кристалльно-чистое вино?

Пронесся мой порывъ, какъ сонъ воображенья,
Но видѣть васъ—все какъ-то больно мнѣ...
Такъ и въ винѣ порой находимъ отъ броженья
Осадокъ горечи на днѣ.

Викторъ Николичъ.

А. Брюилле. Парижанка.

Смерть и похороны Пушкина.

Статья Н. Лернера.

Семьдесят пять лѣтъ назадъ, въ послѣдніе январскіе дни, Петербургъ переживалъ небывалую тревогу. Подъ вечеръ 29 января по городу разнеслась волнующая вѣсть: „Пушкинъ стрѣлялся, раненъ и умираетъ“.

Это было время, когда русская публика охладѣла къ Пушкину. Самъ чуткій и прозорливый Бѣлинскій писалъ объ „осени“, которую переживалъ талантъ поэта послѣ роскошнаго лѣта. На литературномъ поприщѣ ярко горѣла звѣзда Бенедиктова, о которой читатели говорили другъ другу: „ну, этотъ, пожалуй, Пушкина за поясъ заткнетъ“. Одинъ журналъ въ некрологической замѣткѣ объяснялъ вскользь причину этой холодности: „въ послѣдніе годы Пушкинъ не былъ такъ дѣятеленъ, какъ прежде, когда поэма смѣняла поэму, когда мы не успѣвали досыта насладиться одною, и являлась новая, свѣжая пѣсня“. Были и другія, болѣе значительныя, причины. Молодежь и либеральная часть общества смотрѣли на Пушкина, какъ на „царедворца“, видѣли въ немъ измѣнника своимъ былымъ общественнымъ идеаламъ. Его внутренней переживанія не могли быть хорошо извѣстны и понятны даже самымъ близкимъ людямъ; поэтическія произведенія послѣдняго періода его жизни большей частью еще лежали на страницахъ его тетрадей. Начатый имъ „Современникъ“ былъ принятъ холодно и еще не успѣлъ завоевать широкихъ симпатій.

Страшная катастрофа сразу объявила многое обществу, прижила его съ поэтомъ. Оно поняло, какъ, въ сущности, дорогъ ему этотъ человѣкъ, и ужаснулось при мысли о томъ, кого теряетъ въ Пушкинѣ.

Началось настоящее массовое паломничество на Мойку, къ дому княгини Волконской. Толпы народа всевозможныхъ классовъ приходили справляться о здоровьѣ поэта. Врачамъ при первомъ осмотрѣ раненаго стало ясно, а за ними узналъ весь городъ, что надеждъ нѣтъ никакихъ, и всѣ съ ужасомъ ждали скораго конца. Всѣ, за исключеніемъ небольшой великосвѣтской партіи, изъ которой была направлена гнусная интрига, приведшая Пушкина къ гибели.

Описаніе послѣднихъ дней и кончины Пушкина, съ такой раздирающей трогательностью и простотою данное Жуковскимъ въ письмѣ къ отцу поэта, слишкомъ хорошо знакомо читателю, чтобы повторять или пересказывать его здѣсь. Приведемъ другія, столь же трогательныя и фактически болѣе точныя, строки, принадлежащія перу друга Пушкина, А. И. Тургенева. Въ 1811 г. Тургеневъ отвезъ и опредѣлилъ Пушкина въ Царскосельскій Лицей, и онъ же предалъ землѣ его тѣло. Теперь онъ находился при умирающемъ поэтѣ и покидалъ его лишь отъ времени до времени на нѣсколько минутъ, чтобы въ сосѣдней комнатѣ подъ роковымъ и гнетущимъ впечатлѣніемъ набрасывать въ письмахъ къ близкимъ своего рода „протоколъ“ о послѣднихъ часахъ его жизни. Напечатанныя въ малораспространенномъ академическомъ изданіи, письма А. И. Тургенева немногими были прочитаны. На насъ навѣрное не посѣтуютъ за приводимыя изъ нихъ выдержки, — такъ цѣнны показанія Тургенева по своей точности, такъ хватаетъ за сердце этотъ сдержанный, строгій разсказъ.

„11 час. утра. Въ квартирѣ Пушкина, еще не умершаго“, — записываетъ Тургеневъ наканунѣ смерти поэта. — „Въ пятомъ часу начались страданія; онъ кричалъ; но боли утихли, и онъ меньше страдаетъ и тихъ. Государь прислалъ къ нему вчера Арндта (врача) съ письмомъ, писаннымъ карандашомъ, которое велѣлъ прочесть Пушкину и привезти къ себѣ назадъ... Это обрадовало Пушкина и успокоило. Онъ часто призываетъ на минуту къ себѣ жену... Пушкинъ со всѣми нами прощается; жметъ руку и потомъ даетъ знакъ войти. Мнѣ два раза пожалъ руку, взглянулъ, но не въ силахъ былъ сказать ни слова. Съ Вильгорскимъ, съ Жуковскимъ также простился“. Особенно трогательно было его прощаніе съ Карамзиной, вдовой историка, которую онъ любилъ и уважалъ. „Узнавъ, что К. А. Карамзина здѣсь же, просилъ два раза позвать ее и далъ ей знать, чтобы перекрестила его. Она зарыдала и вышла“.

11½. Опять призывалъ жену, но ее не пустили, ибо послѣ того, какъ онъ сказалъ ей: „Арндтъ меня приговорилъ, я раненъ смертельно“, — она въ нервическомъ страданіи лежитъ въ молитвѣ передъ образами. — Онъ безпокоился за жену, думая, что она ничего не знаетъ объ опасности, и говорилъ, что „люди забываютъ ее, думая, что она была въ эти минуты равнодушною“; это рѣшило его сказать ей объ опасности.

Полдень. Арндтъ сейчасъ былъ... надежды нѣтъ, хотя и есть облегченіе страданіямъ. Ночью онъ кричалъ ужасно; почти упалъ на полъ въ конвульсіи страданія. Благое Провидѣніе въ эти самыя 10 минутъ послало сонъ женѣ; она не слыхала криковъ; послѣдній крикъ разбудилъ ее, но ей сказали, что это было на улицѣ; послѣ онъ еще не кричалъ. — Теперь я опять входилъ къ нему; онъ страдаетъ, повторяя: „Боже мой, Боже мой! что это!“ сжимаетъ кулаки въ конвульсіи.

Настоящаго воспаленія нѣтъ; но тѣмъ хуже. Арндтъ думаетъ, что это не протянется до вечера, а ему должно вѣрить: онъ видѣлъ смерть въ 34-хъ битвахъ.

2-й часъ. Пушкинъ тихъ. Арндтъ опять здѣсь; но безъ надежды. Пушкинъ самъ себѣ пощупалъ пульсъ, махнулъ рукою и сказалъ: „Смерть идетъ“.

Прежде полученія письма Государя сказалъ: „Жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно“; и еще: „Жаль, что умираю: весь его бы былъ“, т.-е. царевъ...

2-й часъ. Есть тѣнь надежды, но только тѣнь, т.-е. нѣтъ совершенной невозможности спасенія. Онъ тихъ и иногда забывается.

На другой день, въ 10 час. утра, Тургеневъ писалъ: „Вчера въ теченіе вечера казалось, что Пушкину хотя едва, едва легче; какая-то слабая надежда рождалась въ сердцѣ болѣе, нежели въ умѣ. Арндтъ не надѣялся и говорилъ, что спасеніе было бы чудомъ“. Въ этотъ день друзья Жуковского собирались праздновать его рожденіе. „Мы собираемся обѣдать съ новорожденнымъ—Ангеломъ, можетъ-быть, въ день кончины другого великаго поэта“. И Тургеневъ продолжаетъ свои замѣтки.

1-й часъ. Пушкинъ слабѣе и слабѣе. Надежды нѣтъ. За часъ начался холодъ въ членахъ. Смерть быстро приближается; но умирающій сильно не страдаетъ; онъ покойнѣе. Жена подлѣ него, онъ безпрестанно беретъ ее за руку. Жена—сила любви даетъ ей вѣру, когда уже нѣтъ надежды!—Она повторяетъ ему: „Ты будешь жить!“.

Весь городъ, дамы, дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые наполняютъ комнаты, справляются объ умирающемъ. Сѣни наполнены несмѣющими взойти далѣе...

Антоновъ огонь разливается: онъ все въ памяти... Сейчасъ сказалъ онъ доктору и поэту Далю, который отъ него не отходитъ: „Скажи, скоро ли это кончится? Скучно!“ Онъ—въ послѣднихъ минутахъ.

Забывается и начинаетъ говорить безсмыслицу... „Опустите сторы, я спать хочу“, сказалъ онъ сей часъ“ (2 часа пополудни)...

3-й часъ пополудни. Пушкину хуже. Грудь поднимается. Оконечности тѣла холодѣютъ; но онъ въ памяти.

Сегодня еще не хотѣлъ онъ, чтобы жена видѣла его страданія; но послѣ захотѣлось ему морошки, и онъ сказалъ, чтобы дали женѣ подать ему морошки.

Сію минуту я входилъ къ нему, видѣлъ его, слышалъ, какъ онъ крехтитъ; ему надѣвали рукава на руки; онъ спросилъ:

„Ну—что, кончено?“ Далъ отвѣчалъ: „Кончено“, но послѣ, подумавъ, что онъ о себѣ говоритъ, Далъ спросилъ его: „Что кончено?“ Пушкинъ отвѣчалъ: „Жизнь“. Ему сказали, что его перекладывали и что кончали надѣваніе рукава.

3 часа. За десять минутъ Пушкина—не стало. Онъ не страдалъ, а желалъ скорой смерти. Жуковскій, Гр. Велгурекій, Далъ, докторъ Спасскій, княгиня Вяземская и я—мы стояли у канаве и видѣли послѣдній вздохъ его. Докторъ Андреевскій закрылъ ему глаза.

За минуту прошла къ нему жена, ее не пустили. Теперь она видѣла его умершаго. Приѣхалъ Арндтъ, за ней ухаживаютъ. Она рыдаетъ, рвется, но и плачетъ.

Жуковскій послалъ за художникомъ снять съ него маску. Жена все не вѣритъ, что онъ умеръ; все не вѣритъ. — Между тѣмъ тишина уже нарушена. Мы говоримъ вслухъ — и этотъ шумъ ужасенъ для слуха, ибо онъ говоритъ о смерти того, для коего мы молчали.

Онъ умералъ тихо, тихо...“

Национальное горе, боль отъ котораго не прошла до сихъ поръ и никогда не пройдетъ, обрушилось на Россію. „Я помню живо, какъ все затрепетало, когда пришла вѣсть о смерти Пушкина“, — вспоминалъ Ю. О. Самаринъ. По словамъ графа В. А. Сологуба, „вся грамотная Россія содрогнулась отъ великой утраты“.

„Смерть Пушкина, — писалъ другой современникъ (В. А. Владиславлевъ), — поразила Петербургъ. Россія ввѣрила ему единственное свое вдохновеніе, рѣдкое и случайное... До ста тысячъ человѣкъ приходили въ домъ Пушкина проститься съ его прахомъ“.

Молодой Достоевскій, у котораго недавно умерла мать, говорилъ, что, если бы не семейный трауръ, онъ сталъ бы носить трауръ по Пушкинѣ.

„Пришли и сказали, что онъ убитъ, — вспоминалъ Гончаровъ въ бесѣдѣ съ А. О. Кони, — что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ коридоръ и горько, горячо, не владея собой, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножомъ рѣзала сердце, и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его

уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобы тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣни, лежалъ бездыханенъ... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это невѣрно, — по смерти матери... да, матери..."

Кольцовъ буквально убивался. „Пушкинъ померъ, — писалъ онъ А. А. Краевскому, — едва взошло русское солнце, едва освѣтило широкую русскую землю небесъ вдохновеннымъ блескомъ, огня животворной силой, едва огласилась могучая Русь стройной гармоніей райскихъ звуковъ... Прострѣлено солнце... Смѣется судьба! Развѣ у насъ мало мерзавцевъ? Развѣ, кромѣ Пушкина, тебѣ нельзя было кому-нибудь другому смертный подарокъ передать?"

Но судьба хранила хотя бы — Булгарина, который писалъ одной изъ своихъ пріятелей о Пушкинѣ: „человѣкъ былъ дрянной, — корчилъ Байрона, а пропалъ, какъ заяцъ..."

И. И. Панаевъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ, что происходило тогда въ Петербургѣ. „Въ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. На Мойкѣ, у Пѣвческаго моста, не было ни прохода ни проѣзда. Толпы народа и экипажи съ утра до ночи осаждали домъ. Извозчиковъ нанимали, просто говоря: къ Пушкину“, и извозчики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго населенія, даже люди безграмотные, считали своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацію, на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести гробъ на рукахъ до церкви. Стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизусть всѣми“.

Раздавались угрозы по адресу Дантеса, сидѣвшаго тогда подъ арестомъ. Высылая его за границу, Николай I спасалъ его отъ неминуемой гибели. Бестужевъ-Марлинскій грозилъ съ далекаго Кавказа: „пусть будетъ онъ предупрежденъ (Богъ свидѣтель, что я не шучу), что онъ или я не возвратимся съ нашей первой встрѣчи“. Когда Дантесъ уже былъ внѣ Россіи, распространился слухъ, что онъ вызванъ на дуэль не кѣмъ инымъ, какъ политическимъ врагомъ Россіи, но другомъ Пушкина — Мицкевичемъ.

Смерть Пушкина воочию показала, что въ Россіи есть общество. Иностранцы дипломаты, профессиональные наблюдатели общественной жизни, отмѣтили въ донесеніяхъ своимъ правительствамъ эту сторону событій.

Петербургскія власти испугались демонстрацій. Редактору „Русскаго Инвалида“, Краевскому, сдѣлали выговоръ за некрологъ, въ которомъ было сказано: „Солнце русской поэзіи закатилось“. Министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, личный врагъ Пушкина, зло осмѣянный поэтомъ въ знаменитой сатирѣ „На выздоровленіе Лукулла“, занялся „укрощеніемъ громкихъ воплей по случаю смерти Пушкина“ (тогда цензура была въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія) и приказалъ цензорамъ поддерживать въ статьяхъ о Пушкинѣ „надлежащую умѣренность и тонъ приличія“. Послѣдовали особыя мѣры, чтобы удержатъ студентовъ и профессоровъ Петербургскаго университета отъ участія въ похоронахъ поэта.

Администрація взяла всѣ заботы о нихъ и постаралась отстранить общества. Назначенное время и мѣсто выноса тѣла были измѣнены, и въ ночь на 31 января тѣло было перенесено въ Конюшенную церковь. При этомъ присутствовали человѣкъ двадцать жандармскихъ офицеровъ во главѣ съ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, а по сосѣднимъ дворамъ были на всякій случай разставлены пикеты.

„Народу“ не дали въ церкви проститься съ прахомъ любимаго поэта. Впускали только „блестящую публику“ да самыхъ близкихъ людей, и то по билетамъ...

Согласно желанію, которое не разъ выражалъ Пушкинъ, было рѣшено похоронить его въ Святогорскомъ монастырѣ, гдѣ онъ самъ выбралъ для себя могилу, „ближе къ милому предѣлу“, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ с. Михайловскаго. Сопровождать тѣло и предать его землѣ было поручено старому другу поэта и его семьи — А. И. Тургеневу, а смотрѣть при этомъ за „порядкомъ“ было поручено жандармскому капитану Ракѣеву.

Вечеромъ 3 февраля гробъ былъ вынесенъ изъ церковнаго подвала и опять поставленъ въ церкви, состоялась послѣдняя

панихида, и ровно въ полночь, тайкомъ отъ взволнованнаго населенія, прахъ Пушкина покинулъ сѣверную столицу.

Петербургскія канцеляріи уже успѣли дать знать псковской администраціи, какія мѣры должны были она принять. Старались сдѣлать все быстро и безъ шума, чтобы не было „никакой церемоніи“. Даже духовному начальству было сообщено, что „отпѣваніе тѣла совершено уже въ С.-Петербургѣ“, и что при погребеніи не должно быть „никакого особливаго изъясненія, никакой встрѣчи, никакой церемоніи“.

Пушкинъ былъ зарытъ „безъ церемоніи“! Вотъ какъ описываетъ его погребеніе тотъ же А. И. Тургеневъ.

„3 февраля, въ полночь, мы отправились изъ Конюшенной церкви съ тѣломъ Пушкина въ путь. Я — съ почтальономъ, въ кибиткѣ, позади тѣла, жандармскій капитанъ впереди онаго. Дядька покойнаго желалъ также проводить останки своего добраго барина къ послѣднему его жилищу; онъ сталъ на дрогахъ, кои везли ящикъ съ тѣломъ, и не покидалъ его до самой могилы. Ночью проѣхали мы Софію, Гатчину, къ утру 4 февраля были уже въ Лугѣ, за 140 верстъ отъ Петербурга, а къ 9 часамъ вечера того же дня уже во Псковѣ (куда пріѣхали ровно въ 19 часовъ). Это было въ четвергъ, когда у губернатора Ал. Никит. Пещурова бывають вечеринки. Я немедленно къ нему явился, а жандармъ предъявилъ ему бумаги отъ своего начальства, и въ ту же ночь послано было архіерею, живущему въ пяти верстахъ отъ Пскова, отношеніе графа Протасова о принятіи и о погребеніи тѣла въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, а исправнику опочковскому (въ уѣздѣ семь находится монастырь) дано предписаніе снабдить насъ, въ случаѣ нужды, обывательскими лошадьми. Возобновивъ знакомство съ Пещуровымъ, напившись чаю, я отправился въ ночь, опять съ гробомъ и съ жандармомъ, сперва въ городокъ Островъ, гдѣ исправникъ и городничій насъ встрѣтили (за 54 версты отъ Пскова) и послали съ нами чиновника далѣе; за 55 верстъ отъ Острова мы заѣхали, оставивъ гробъ на послѣдней станціи съ почтальономъ и съ дядькой, къ госпожѣ Осиповой въ три часа пополудни; она — сосѣдка Пушкина, коего деревенька въ верстѣ отъ ея села, и любила Пушкина, какъ мать; у ней-то проводилъ онъ большую частію время ссылки своей, и все семейство ея оплакиваетъ нескренно поэта и добраго сосѣда. Она уже наканунѣ узнала отъ дочерей, въ Петербургѣ живущихъ, о кончинѣ Пушкина и встрѣтила меня, какъ хорошаго знакомаго и друга Пушкина. Мы у ней отобѣдали, а между тѣмъ она послала своихъ крестьянъ рыть могилу для Пушкина въ монастырь за 4 версты, въ горахъ, отъ нея отлежачій, тамъ же, гдѣ положена недавно мать Пушкина. Послѣ обѣда мы туда поѣхали; скоро прибыло и тѣло, которое внесли въ верхнюю церковь и поставили до утра тамъ. Могилу рыть было трудно въ мерзлой землѣ, и надлежало остаться до утра. Мы возвратились въ Тригорское (такъ называется село госпожи Осиповой, воспѣтое Пушкинымъ и Языковымъ); напился чаю, отужинали. Товарищъ мой, ѣхавшій на перекладныхъ, ушелъ спать, а я остался съ хозяйкой и съ двумя милыми дочерьми ея и пробесѣдовалъ съ ними до полуночи о дѣлахъ Пушкина, о его жизни деревенской и узналъ многое, что небезполезно будетъ для соображеній по дѣламъ для оставшихся; нашелъ нѣсколько стиховъ его въ альбомѣ, публикѣ не извѣстныхъ, и сдружился съ тѣми, кои такъ радушно меня приняли и такъ хорошо умѣютъ цѣнить добраго поэта. На другой день, 6 февраля, на разсвѣтѣ, поѣхали мы опять въ Святогорскій монастырь; могилу еще рыли; моимъ гробоконателямъ помогали крестьяне Пушкина, узнавшіе, что гробъ прибылъ туда; между тѣмъ какъ мы пѣли послѣднюю панихиду въ церкви, могила была готова для принятія ящика съ гробомъ — и часу въ 7 утра мы опустили его въ землю.“

Когда въ далекой Сибири декабристы узнали, что Пушкина не стало, эти передовые люди тогдашней Россіи живо почувствовали, какую великую потерю понесло отечество. Одинъ изъ нихъ, лицейскій товарищъ Пушкина, И. И. Пущинъ, вспоминая о безвременно погибшемъ другѣ, писалъ:

„Пушкинъ не умираетъ, и Пушкинъ мой всегда живъ для всѣхъ, кто, какъ я, его любилъ, и для всѣхъ умѣющихъ отыскивать его живого въ безсмертныхъ его твореніяхъ“.

Воистину, поэтъ не умираетъ!

* * *

Запру я двери, зажгу лампады
И въ тихой ласкѣ нѣмыхъ ночей
Отрою, вскрою земные клады,
Достану жемчугъ со дна морей.
На днѣ морей души поэта
Кораллы, жемчугъ и янтари,
Въ провалахъ сердца — изломы свѣта,
Камней стоцвѣтныхъ — огней зари.
Покорна грезамъ моимъ былина:
Отрою, вскрою забытый кладъ —

И кровью брызнуть огни рубина,
И тайну ночи шепнетъ агать
Разсыплю камни на груды груды —
Мечтою мая сверкнетъ топазь,
Садами будутъ мнѣ изумруды,
Въ ночахъ агатовъ зажгу алмазь.
Въ безумномъ вихрѣ огней мятежныхъ
Забуду горечь земныхъ обидъ,
Туманъ печалей моихъ безбрежныхъ,
Изломъ и холодъ моихъ орбитъ.

Михаилъ Пепенинъ.

Аскалонъ.

Изъ книги „Солнце Жизни“.

А. М. Федорова.

Я выѣхалъ изъ Яффы рано утромъ, надѣясь засвѣтло попасть въ Газу и по пути побывать въ Аскалонѣ.

Что за чудное было утро! Ясное, тихое и по-весеннему легкое, оно даже въ городѣ было пріятно. Восточные города рано засыпаютъ и рано просыпаются, но въ этотъ часъ даже на базарѣ не было того движенія, на которое смотрѣть душно. Всѣ голоса и звуки жизни звучали еще какъ-то по-ночному, и это особенно чувствовалось въ задумчивомъ звонѣ двойныхъ и тройныхъ бубенчиковъ, съ которыми тянулись въ Яффу издали верблюды, нагруженные разными товарами.

А едва только выѣхалъ я за городъ, очарованіе раннего утреннего часа оказалось еще сильнѣе. Яффскіе апельсиновые сады, отдохнушіе и освѣжившіеся за ночь отъ дневного зноя наканунѣ, заливали воздухъ своимъ волнующимъ ароматомъ. Сады шли по обѣ стороны дороги, такіе сильные и густые, что высокія пальмы, стоящія среди нихъ, казалось, задышали тамъ и тянулись какъ можно выше изъ ихъ плѣна, въ которомъ имъ было тѣсно и жутко и одиноко.

Около фонтана св. Тавноы, надъ которымъ даже кипарисы имѣли свой характерный восточный контуръ, дорога раздваивалась. Лѣвая шла къ храму при русской миссіи, правая была наша дорога. Тутъ съ насъ потребовали пропускную плату. Затѣмъ мы миновали ворота еврейской колоніи и школы Микве-Израиль и выѣхали за городскую черту.

Коричневые палатки бедуиновъ, съ осѣняющими ихъ точно сама печаль деревьями, одинокія могилы шейховъ — все это среди равнины, замыкаемой далекими іудейскими горами, производило впечатлѣніе старины и дикости. Даже созрѣвшіе хлѣба не могли нарушить этого впечатлѣнія: они казались забытыми, такъ какъ колосья ихъ давно просили серпа. Но мѣстные хлѣба, оказывается, долго способны стоять, не осыпаясь, и потому ихъ не очень торопятся убирать.

Слѣва отъ нашего пути, вдали надъ хлѣбами, поднимается селеніе—Бедъ Дагонъ. Когда филистимляне отняли у израильтянъ Ковчегъ Завета, они съ торжествомъ привезли его сюда и поставили въ своемъ храмѣ, гдѣ красовался громадный идолъ. На утро съ ужасомъ увидѣли, что идолъ ихъ валялся поверженный передъ Ковчегомъ. Они подняли его, исправили и водрузили на мѣсто, но на другой день повторилось то же самое: Дагонъ лежитъ лицомъ своимъ на землѣ, а голова Дагона и обѣ кисти руки его лежатъ отсѣченныя на порогѣ, только осталась рыба часть его.

И перенесли Ковчегъ Божій въ Геъ, но у жителей Геа появились нарывы. Въ Экронѣ, — но и Экронѣ постигло то же бѣдствіе.

Тогда они поняли, откуда шло это несчастье, и въ колесницѣ, запряженной дойными коровами, съ дарами, почестями и музыкой вернули Ковчегъ Завета своимъ врагамъ—въ Вевсамію.

Кое-гдѣ на поляхъ феллахи уже начали убирать хлѣбъ. Черныя женщины помогаютъ убирать хлѣбъ такъ же, какъ это дѣлалось и двѣ тысячи и болѣе лѣтъ тому назадъ. Нашъ извозчикъ остановился, чтобы спросить о чемъ-то работающихъ. Женщина-феллашка по первому же знаку его подбѣжала къ нему, облобызала его руку и съ поклономъ поспѣшила отвѣтить на его вопросъ.

— Не жена ли это нашего кучера?—спросилъ я, удивленный такимъ подобострастіемъ.

— Нѣтъ, таковъ восточный обычай:—отвѣтилъ мой спутникъ, — интересный человекъ, д-ръ Х., личность очень популярная не только въ Яффѣ, гдѣ онъ живетъ въ послѣдніе годы, но и по всѣмъ палестинскимъ еврейскимъ колоніямъ. Еще молодымъ человекомъ, сдавъ въ Берлинѣ докторскій экзаменъ, онъ пренебрегъ самыми лестными предложеніями и своей карьерой и отправился въ Палестину, чтобы тутъ работать на землѣ.

Не было новой колоніи, въ которой онъ не являлся бы однимъ изъ первыхъ пионеровъ. Вотъ мы ѣдемъ по землѣ Ришонъ-Сіона, и, указывая на отлично обработанныя поля, докторъ говоритъ мнѣ:

— Это поле мы обработали своими собственными руками. Все это была пустыня, поросшая вотъ такой травой, — указываетъ онъ мнѣ на жилистую и упорную ханьеру, покрывающую араб-

скую пустошь.—Трава эта метра на полтора уходитъ въ землю корнями. Мы вырывали ее оттуда и дѣлали это не разъ и не два, до тѣхъ поръ, пока земля не сдалась намъ. Въ противоположность феллахской землѣ, земля колонистовъ обрабатывается машинами, и машинами снимается хлѣбъ. Но и здѣсь, такъ же, какъ на поляхъ феллаховъ, вслѣдъ за рабочими идутъ бѣдняки, чаще всего женщины. Еще по библейскому обычаю эти сборщицы колосьевъ—въ большинствѣ вдовы, а если мужчины, то калѣки—собираютъ оставшіеся на полѣ колосья. Такъ и Руѣ собирала колосья на полѣ Вооза. Тутъ же при дорогѣ они собственными руками обмолачиваютъ зерна и питаются такимъ образомъ, какъ птицы, тѣмъ, что остается на нивѣ послѣ уборки.

Сухой трескъ кузнечиковъ наливаетъ воздухъ непрерывно-люющимъ каскадомъ. Кажется, это трещать самые высокіе колосья. Съ этимъ трескомъ удивительно въ тонъ ему сливается шумъ колосьевъ, когда вѣтеръ пробѣжитъ по нивѣ и заставляетъ ихъ шуршать. Да и самый переливъ солнца на золотѣ колосьевъ какъ-будто сопровождается такимъ же монотонно-люющимъ звономъ: къ нему въ концѣ концовъ слухъ такъ привыкаетъ, что перестаетъ замѣчать его.

Солнце уже высоко и обѣщаетъ зной. Воздухъ струится надъ красноватыми песками дюнъ, которые какъ будто начинаютъ плавиться.

— Видѣли вы, какъ заживо хоронятся живые?—спрашиваетъ меня докторъ и указываетъ на эти переливающиеся песчанья дюны, за которыми синью блеститъ Средиземное море.

Эти дюны, эти холмы песку надвигаются на цѣлую рощу мелкихъ смоковницъ, которыя, даже издали, громадны и сильны и красивы.

Но что за дѣло до этого пескамъ. Они уже обхватили стволы ближайшихъ къ морю деревьевъ и поднимаются все выше и выше—отъ ногъ къ самому горлу, чтобы обхватить и задушить и покрыть съ головой, какъ парчой, зеленая, еще живая, верхушки. А тамъ—чередъ слѣдующихъ. Уже одни будутъ погребены заживо и задохнутся, безсильныя даже сдѣлать движеніе, а другія станутъ биться, какъ бились ихъ погибающіе товарищи, пока не погибнутъ сами.

Но тамъ, гдѣ дюны погребли расцвѣтшія жизни, на ихъ песчаной поверхности, подъ которой гніютъ заживо-схороненныя, поднимается новая жизнь. Я видѣлъ въ Кесаріи цѣлыя поля на такихъ дюнахъ, и на нихъ отлично растутъ хлѣбъ и виноградъ.

Чѣмъ дальше отъ Яффы, тѣмъ менѣе хлѣба зрѣлы. На разстояніи какихъ-нибудь 4—5 часовъ пути—разница въ двухъ—трехъ мѣсяцахъ. Около Яффы сѣютъ пшеницу въ декабрѣ, а здѣсь—въ февралѣ, такъ какъ тутъ позже выпадаютъ дожди.

Ришонъ-Сіонъ съ его отлично обработанными полями, плантаціями винограда, апельсиновъ и миндаля, съ его прекрасными постройками и огромнымъ, однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ, погребомъ, давно остался позади. Слѣва на холмѣ виднѣются теперь красныя черепичныя кровли еврейской колоніи Катра, а дальше за пальмами—Реховатъ. Тамъ и здѣсь д-ръ также трудился на землѣ. Вонъ тамъ, точно черепахи, на гору ползутъ плоско крытыя тростникомъ кровли арабской деревни; здѣсь была древняя Явна или Ибна, и деревушка сохранила это библейское имя. Тутъ былъ городъ мудрости: сюда, послѣ разрушенія Титомъ Іерусалима и утраты политической самостоятельности, перевелось все, что было цвѣтомъ еврейской учености. Іоханамъ Бекъ-Закарнъ заявилъ, что народъ можетъ потерять все, но духовная мощь даже и въ плѣну и нищетѣ останется съ народомъ, и ее необходимо беречь.

Мы проѣзжали черезъ Ибну въ разгаръ зноя. Все рѣяло въ текущемъ ослѣпительномъ воздухѣ—хижины, пальмы, огромные кактусы и источникъ, надъ которымъ также знойно кружилось колесо Норіи у колодца, орошающаго арабскіе сады. Отъ этой деревни, отъ ея финиковыхъ пальмъ и банановъ, отъ ея водоросителя и главное—отъ самаго воздуха, специфически-пряного и душнаго, на меня пахнуло Египтомъ. Близость Египта была здѣсь очевидна. Ни въ Іудеѣ, ни въ Самаріи, ни въ Галлилеѣ нѣтъ не только подобной растительности, но и подобнаго запаха земли, растений и людского жилья.

Египеть!

Дальше, въ Аждидѣ, когда-то одномъ изъ пяти древнихъ филистимлянскимъ городовъ, а теперь—арабской деревушкѣ, этотъ характеръ Египта сказанъ еще сильнѣе. Тутъ на пустынномъ полѣ шакаль перешелъ намъ дорогу. Онъ подпустилъ насъ совсѣмъ близко и шелъ медленно по высохшей травкѣ, худой и легкой и вѣрно—голодный.

— Тутъ ихъ много,—сказалъ арабъ-кучеръ. И мнѣ вспомнилось, что именно тутъ Самсонъ наловилъ этихъ звѣрей и поджегъ имъ хвосты. Въ этомъ городѣ у него имѣлась возлюбленная, можетъ-быть, похожая на ту красавицу, которую я увидѣлъ у источника, когда она подняла покрывало, чтобы напиться изъ своего кувшина. Она, замѣтивъ насъ, мгновенно закрыла лицо и походкой царицы пошла въ деревню съ кувшиномъ на головѣ, слегка позвякивая серебряными браслетами на босыхъ ногахъ.

Одѣта она была очень бѣдно, какъ самая простая феллашка, но и у нея на головѣ были украшения изъ монетъ, какія носили также библейскія еврейки. Эти монеты ни при какой нуждѣ онѣ не продадутъ, и ихъ не смѣетъ коснуться мужъ. О томъ, какъ дорожать ими женщины, свидѣлствуетъ евангельская притча о бѣдной женщинѣ, потерявшей одну серебряную монету и долго искавшей ее въ темнотѣ жилища, которое, очевидно, ничѣмъ не отличалось отъ нынѣшняго.

И очень можетъ быть, что эта женщина—феллашка настоящая, исконная еврейка. Типъ ея знакомъ мнѣ: но не только это говорить о ея еврейскомъ происхожденіи. Феллахи вообще не считаются въ Палестинѣ арабами, хотя говорятъ по-арабски: они навѣрное потомки древнихъ евреевъ, угнетенныхъ завоевателями и оставшихся въ этомъ угнетеніи до сихъ поръ. Говорятъ, что и въ языкѣ ихъ сохранилось много древне-еврейскихъ словъ. Феллахскія деревни также носятъ часто имена библейскихъ городовъ и селеній тамъ, гдѣ мѣста совпадаютъ и населеніе—осѣдлые туземцы-феллахи. Наконецъ никогда бедуины не производятъ такого впечатлѣнія библейскаго типа пастуха, какъ феллахи.

Около двухъ часовъ дня зной сталъ невыносимъ. Видно было, какъ онъ текъ по землѣ, подобно свѣтящейся свѣтлой рѣкѣ, въ которой тонули и, какъ сквозь струящуюся влагу, проступали холмы, окруженные садами деревни и всѣ предметы. Иногда издали такъ ясно представлялось озеро, и отражалось въ немъ берега; но это было только марево. Небо на юго-востокѣ начинало мутнѣть: Хамсинъ. Въ Египтѣ теперь совсѣмъ задыхаются люди, да и тутъ иногда вдругъ обливало горячимъ воздухомъ точно изъ камина, гдѣ сразу вспыхнули угли.

Собака, лежавшая у меня въ ногахъ въ экипажѣ, высунула языкъ. Она бѣлая съ черными пятнами. Я провелъ рукой по ея истомленному тѣлу и былъ пораженъ неравномерностью температуры: тамъ, гдѣ она была покрыта черною шерстью, рукѣ было почти горячо, а бѣлая мѣста были гораздо прохладнѣе. Надо было переждать этотъ зной, дать отдохнуть лошадямъ, да и самимъ хотѣлось ѣсть и пить.

Мы остановились въ арабскомъ селеніи Ждудъ, довольно большомъ селеніи, гдѣ много высокихъ сильныхъ пальмъ, въ которыхъ всегда есть что-то благословляющее. Ни малѣйшій вѣтерокъ не шевелитъ ихъ большіе изнемогающіе листья, и онѣ казались заколдованными въ этомъ неподвижномъ знойномъ воздухѣ.

Тутъ, на наше счастье, нашлась гостиница, гдѣ съ удобствомъ можно было расположиться. Гостиницу содержалъ нѣмецъ, которому принадлежитъ здѣсь также небольшая мельница съ керосиновымъ двигателемъ. Впрочемъ, мельница принадлежитъ не одному ему: у него есть совладѣлецъ—священникъ изъ Газы. Я познакомился на другой день съ этимъ священникомъ, личностью въ высшей степени интересною, но о немъ—дальше. Чтѣ же касается этого знакомаго, онъ тоже не первый встрѣчный.

Прежде всего—на рукахъ его недостаетъ трехъ пальцевъ: двухъ на правой и одного на лѣвой. Это доказываетъ уже само по себѣ, что ему не дешево далось постоянное общеніе съ машинами. Но и эти семь пальцевъ вмѣсто десяти производятъ такое впечатлѣніе, что больше, пожалуй, ему и не надо. И этими онъ, кажется, безъ особаго труда согнетъ и разогнетъ подкову и сломастъ пополамъ серебряный рубль. Сухой и крѣпкій, онъ весь какъ-будто одна ловко согнутая, гдѣ надо, пружина.

— Ничего лишняго въ этомъ тѣлѣ!—одобрительно сказалъ докторъ.—Но парень еще молодъ. Если у него отношенія съ машинами будутъ продолжаться такъ, какъ свидѣлствуютъ его пальцы, пожалуй, года черезъ три кое-чего будетъ уже не хватать. Этотъ нѣмецъ лѣтъ двадцать живетъ въ Палестинѣ. Прежде скитался изъ города въ городъ, а теперь обзавелся здѣсь хозяйствомъ и основался довольно прочно. Даже съ арабами успѣлъ сжиться настолько, что его совсѣмъ не тянетъ на родину.

Отсюда всего часа три до Аскалона и немногимъ больше отъ Аскалона до Газы, но нѣмецъ выразилъ сомнѣніе, что мы доберемся до Газы такимъ путемъ, да еще засвѣтло.

— Тамъ идутъ пески, черезъ которые никакой экипажъ не проѣдетъ.

Засвѣтло мы и сами попасть не надѣялись, но нашъ извозчикъ обѣщалъ перевалить черезъ пески.

Зной нѣсколько упалъ. Иногда съ моря подувалъ легкий вѣтерокъ и освѣжалъ воздухъ. Отдохнувшія лошади пошли довольно бодро, и опять потянулись холмистыя равнины, замкнутыя слѣва

Хевронскими горами, которыя казались легкими, почти прозрачными, какъ облака. Иногда на дорогѣ попадались караваны верблюдовъ, и верблюды вырисовывались вдали на холмахъ, неподвижные, точно памятники древности, гдѣ все, должно-быть, было величественно и больше, чѣмъ нынѣ.

Я въ землѣ филистимлянъ, отъ имени которыхъ произошло и самое слово Палестина. Здѣсь соглядатаи Моисеевы увидѣли чудеса, о которыхъ донесли своему вождю.

„Всѣ люди, ихъ же видѣхомъ, мужи превосыщии, и тамо видѣхомъ исполины, сыны Инаковы. И града, утверждени огражденіемъ велицы зѣло“.

Но пустынная дорога, гдѣ въ прежнее время, говорятъ, часты были грабежи каравановъ, идущихъ изъ Египта черезъ Газу. Потокъ Соррекъ далеко отсюда, и какой-то благочестивый мусульманинъ поставилъ большой каменный водоемъ при дорогѣ, который отъ времени до времени наполняется водой. Этотъ похвальный обычай распространенъ на Востокѣ, и каждый, творящій такое доброе дѣло, можетъ болѣе, чѣмъ кто-либо, разсчитывать послѣ смерти на благосклонное отношеніе къ нему Аллаха.

Около арабской деревни Меджира снова засіяли золотомъ хлѣба и зазеленѣли пальмы и сикоморы. Въ самой деревнѣ, похожей на маленькій городокъ, имѣется даже телеграфъ. Откуда мы заказали въ Газу приготовить намъ въ гостиницѣ номера. Покуда нашъ экипажъ стоялъ на базарной площади, собралась большая толпа зѣвакъ. Все довольно рослый и красивый народъ, и притомъ много блондиновъ, чтѣ среди арабовъ не такъ часто встрѣтишь. Однако они далеки были отъ библейскихъ сыновъ Энаковыхъ и скорѣе типомъ своимъ напоминали европейцевъ: видимо, кровь крестоносцевъ текла въ нихъ наравнѣ съ арабской, если не больше. Даже въ манерахъ и движеніяхъ ихъ не было той арабской живости и выразительности, какъ это наблюдается всюду, а особенно въ Египтѣ.

Отсюда оказалось невозможно пробраться къ Аскалону на лошадахъ. Пришлось ѣхать на осликахъ, и ослики черезъ минуту явились передъ нами.

Мы покинули экипажъ на время и въ сопровожденіи неутомимыхъ проводниковъ отправились въ Аскалонъ.

Тонкія ослиныя ножки бодро ступали по песку. Однако ѣхать приходилось шагомъ: копыта погружались въ песокъ, и лошадь здѣсь скоро выбилась бы изъ силъ. Но симпатичныя животныя, поднявъ длинныя уши, только покачивали головами и недовольно косились на погонщика, когда онъ неистово на нихъ оралъ или, еще хуже, подкалывалъ сзади остремъ палочки.

Навстрѣчу намъ попадались женщины, всегда закрытыя, съ большими кувшинами на головахъ. Въ самой Меджилін нѣтъ воды, если не считать лужи, которую я видѣлъ при въѣздѣ въ это селеніе. Такія лужи встрѣчаются всюду, гдѣ ощущается недостатокъ воды—это нѣчто въ родѣ нашихъ ставовъ, гдѣ вода отъ дождей сохраняется нѣкоторое время. Но здѣсь эти ставы устроены совсѣмъ первобытно: посреди площади вырыта неглубокая впадина, рѣдко даже выложенная камнями. Нетрудно представить, чтѣ тамъ за вода! Во время жары и эта муть высыхаетъ окончательно, и тогда приходится ходить за водою версты за полторы, а то и дальше.

По обѣ стороны песчаной дороги, за цвѣтущими желтыми цвѣтами кактусовыми изгородями—тропическая зелень, виноградники и персиковыя и миндальныя плантаціи. У самаго источника женщины наполняютъ кувшины, и тутъ же сидитъ сторожъ-арабъ, въ абаѣ, сдѣланной изъ простого пенъковаго мѣшка.

Онъ оборачивается ко мнѣ спиной, и я вижу на этой спинѣ, во весь мѣшокъ, клеймо европейской хлѣбной фирмы. Конечно, это не умышленная реклама, до этого еще не додумались здѣсь, да, пожалуй, и ни къ чему. Несомнѣнно, арабъ считаетъ этотъ кругъ и письмена на неизвѣстномъ языкѣ, отпечатанныя синей краской, недурнымъ украшеніемъ и гордится ими.

Но вотъ зеленыя колочія травы кончились. Широкая песчаная равнина открылась передо мной, и я почувствовалъ, что сразу какъ-будто выросъ отъ шума, хлынувшаго мнѣ навстрѣчу. Я узналъ этотъ знакомый, дорогой моему сердцу, могучій шумъ моря, переливавшійся черезъ высокіе обрывы и песчаные холмы. Одновременно съ этимъ я увидѣлъ на высотѣ песчаного гребня, за которымъ чувствовалось это прекрасное великое море, — развалины громаднхъ стѣнъ. Это и были стѣны Аскалона.

Солнце уже было по ту сторону этихъ стѣнъ. Отъ нихъ и отъ старыхъ, росшихъ около нихъ, деревьевъ на песчаную долину протянулись длинныя, перекинувшіяся съ холма на холмъ, тѣни.

Я остановился пораженный и долго стоялъ такъ, любясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Врядъ ли самъ Аскалонъ могъ бы произвести на меня такое сильное впечатлѣніе, какъ эти покачнувшіяся и уже погребаемыя пескомъ развалины. Почему зрѣлище рухнувшаго и погибающаго величія древности производитъ всегда такое невыразимо властное впечатлѣніе? Не потому ли, что съ этимъ соединяется мысль о томъ, что мы никогда больше ничего подобнаго не увидимъ? А можетъ-быть, и потому, что величіе въ паденіи всегда болѣе волнуетъ и, какъ выгнанный дочерью король Лиръ, терзаемый бурями и дождемъ, соединяетъ изумленіе передъ нимъ съ чувствомъ глубокой жалости и восторгомъ.

Солнце какъ-будто знаетъ, чтѣ освѣщаетъ оно въ эту минуту. Оно свѣтитъ изъ-за облака, которое само похоже на руину сказочнаго храма или дворца. Меня охватываетъ благоговѣйный

трепетъ, сладостный и жуткій, и въ шумѣ моря звучать рыдающія жалобы Іеремія:

— Отверженъ бысть Аскалонъ и останки Энакамли! Доколѣ същи будещи, о грозный мечу Божій! Доколѣ не упокоишься? Вниди въ ножны твоя; почи и вознесися“.

Я прямо не смѣю подойти сразу къ этимъ руинамъ. Я спускаюсь къ морю, чтобы подняться къ нимъ исподволь. Все сильнѣе и шире мнѣ навстрѣчу идетъ морской гулъ, и влажная морская свѣжесть освѣжаетъ лицо мое и грудь.

Я слѣзаю съ осла и иду пѣшкомъ по крутой песчаной тропинкѣ.

Вотъ оно! Вотъ оно все передо мною, прекраснѣйшее изъ всего, что есть на землѣ, безконечное, радостное и гордое, таинственное и ясное, вѣчно живое, вѣчно шумящее море!

Веселыми зелено-синими волнами съ бѣлыми гребнями набѣгало оно на широкій, чистый песчаный берегъ, гдѣ не виднѣлось ни одного слѣда человѣка или животнаго. И когда волна съ чувственнымъ блаженствомъ разливалась по этому чистѣйшему песку, оставляя на немъ легко исчезающую пѣну, еще болѣе чистую, чѣмъ песокъ, лиловая тѣнь бѣжала за уходящею назадъ водою, лиловая тѣнь, которая сливалась и съ синевой и съ зеленою воды и какъ-будто всасывалась вмѣстѣ съ нею въ песокъ, почти такой же живой, какъ вода.

Маленькіе прозрачные крабы быстро бѣгали по песку, точно играя другъ съ другомъ и съ волнами. И когда волна не могла догнать ихъ, подхватить и на минуту увлечь съ собою, они скрывались въ круглыя отверстія въ пескѣ, куда сейчасъ не достигали волны, и выскакивали изъ другихъ отверстій, соединенныхъ между собой внутренними галереями.

Чайки носились надъ волнами, иногда опускаясь на нихъ и качаясь такъ же легко, какъ пѣна, и вдали на синевѣ моря ярко бѣлѣлъ парусъ, точно перо изъ крыла одной изъ этихъ птицъ, унесенныхъ вѣтромъ.

Взглянувъ на высокій крутой берегъ, поднимавшійся надъ этимъ ровнымъ широкимъ песчанымъ пляжемъ, я ахнулъ отъ изумленія: казалось, что это былъ сплошной бастионъ, и изъ него тамъ и здѣсь торчали наружу, какъ пушки, большія сѣрыя гранитныя колонны.

Такими колоннами, оказывается, былъ укрѣпленъ весь обрывъ, выложенный камнемъ съ обѣихъ сторонъ того мѣста, которое напоминаетъ теперь собою гигантскую раковину, полную тропической зелени и дикихъ цвѣтовъ и развалинъ древняго города, гдѣ родились Семирамида и палачъ дѣтей, отвратительнѣйшій изъ царей-изверговъ—Иродъ.

Эти великолѣпныя пальмы, сикоморы, кипарисы и фиговые деревья выросли на почвѣ, утучненной трупами, насквозь пролитой кровью жертвъ безчисленныхъ войнъ и гоненій. Здѣсь Иуда воевалъ съ филистимлянами и взялъ Аскалонъ послѣ кровопролитныхъ сраженій. И эти войны израильтянъ съ филистимля-

нами почти не прекращались. Діоклетіанъ замучилъ здѣсь сорокъ христіанъ, и здѣсь происходила страшная битва Готфрида Бульонскаго, у котораго было всего двадцать тысячъ войска, съ соединенными египетскими войсками, которыхъ было въ три раза больше.

Благодаря военному искусству и рѣшимости, Готфридъ оказался побѣдителемъ. Но только при Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ, рѣшительно поразившемъ Саладина, Аскалонъ снова расцвѣлъ, и въ его гавань, отъ которой теперь не осталось и слѣда, какъ птицы, слетались корабли. Теперь однѣ рыбацкія лодки, принадлежащія жителямъ мѣстной деревушки Джура, стоящей въ предѣлахъ, занятыхъ когда-то блестящимъ городомъ,—качаются у этихъ береговъ.

Осыпается обрывъ, какъ зубы изъ омертвѣлыхъ челюстей, выпадаютъ изъ него колонны, и въ бурю налетающія сюда волны катаютъ ихъ по песку и разбиваютъ одну о другую.

Съ моря развалины кажутся меньше, чѣмъ съ противоположной стороны, но зато на каждомъ шагѣ натыкаешься на обломки драгоцѣннаго мрамора, на разбитые камни архитравовъ и капители колоннъ.

Я нашелъ въ изгороди, охраняющей отъ пасущагося здѣсь скота огородъ, великолѣпно сохранившуюся капитель мраморной колонны, подобную одной изъ тѣхъ капителей, что я видѣлъ въ Капернаумѣ на мѣстѣ древней синагоги. Можетъ-быть, эта колонна изъ дворца Ирода, красовавшагося въ Аскалонѣ, или она служила опорой и украшеніемъ одного изъ аскалонскихъ храмовъ. Теперь туполобый быкъ третъ своей головой о ея художественно-вырѣзанные завитки, и ящерка вьется среди нихъ, почти такихъ же живыхъ, какъ она.

Я поднялся вверхъ по тропинкѣ къ самому гребню этой раковины-могилы. Тамъ я увидѣлъ эти громадныя, разсыпавшіяся прахомъ, грандіозныя крѣпостныя стѣны, къ которымъ подбираются пески. Подуетъ легкій вѣтеръ, и песокъ, какъ дымъ пожара, отъ котораго рухнули и почернѣли стѣны, стелется около развалинъ.

Они засыпаютъ ихъ здѣсь такъ же, какъ раньше видѣлъ я засыпаемые деревья. Но возникнетъ ли когда-нибудь на этихъ погребенныхъ песками стѣнахъ что-нибудь подобное тому, что когда-то цвѣло здѣсь? Покуда рядомъ съ ними растутъ другой городъ, городъ мертвыхъ. Новые и старыя камни могилъ бѣлѣютъ среди зелени; зелень ползетъ на самыя стѣны, а кисти винограда спускаются между яркихъ цвѣтовъ громаднаго дерева, крѣпко обвитаго виноградной лозой. Кажется, вполне подходящее мѣсто для кладбища. Но было что-то, на мой взглядъ, обидное для древнихъ рунъ въ этомъ сосѣдствѣ съ мертвецами, которыхъ тащатъ сюда изъ сосѣдней деревушки.

Отъ одной изъ такихъ могилъ подошелъ ко мнѣ арабъ-работникъ и пальцами, еще бѣлыми отъ известки, запачкавшей его на работѣ, протянулъ мнѣ древнюю монету.

Мозаичистъ.

(Изъ лѣтописи русской художественной жизни XVIII вѣка).

Очеркъ Ив. Лазаревского.

Въ той части Петербурга, гдѣ теперь находятся Морская, Почтамтская и Исаакіевская улицы, осенью 1749 года картина была совсѣмъ иная: разстилалась лишь громадные пустыри, сплошь покрытые болотами и кое-гдѣ опоясанные заборами. Подъ заборами въ ночное время ютился бездомный людъ, промышлявшій милостыней, а то и грабежами да убійствами. Безъ надежной охраны не всякій храбрецъ рѣшался ѣхать по тѣмъ мѣстамъ въ вечернюю пору. Къ тому же, на теперешней площади Маринскаго театра нѣсколько разъ въ недѣлю происходилъ торгъ крѣпостными людьми. Народная молва гласила, что на той площади темными ночами собираются души замученныхъ рабовъ и терзаются своими земными страданіями.

Эта часть города только начинала застраиваться, и лишь кое-гдѣ выселись неказистые домики. Фонарей не было; городекія улицы освѣщались только около дворцовъ и домовъ вельможъ, и того, кто по необходимости оставлялъ свой домъ въ ночную пору, всегда сопровождалъ слуга съ фонаремъ. Даже выѣзды въ рыдваняхъ и каретахъ окружались скороходами, которые въ одной рукѣ держали палки на случай могущей потребоваться обороны, а въ другой—ярко горѣвшіе факелы.

Неприглядно было въ то время „Петра творенье“, особенно въ осенніе мѣсяцы, и немудрено, что прошли долгіе годы, пока русскій человѣкъ не привыкъ къ болотамъ новой родины.

Конецъ октября 1749 года ознаменовался нѣсколькими наводненіями. Вѣтеръ съ моря высоко поднималъ воду въ Невѣ и каналахъ, и пушечные выстрѣлы то и дѣло громыхали съ окоповъ Петропавловской крѣпости. Къ четыремъ часамъ дня бывало ужъ такъ темно, что нельзя было работать въ горницахъ безъ огня и выходить на улицу безъ фонарей. Въ одинъ изъ такихъ ненастныхъ дней въ концѣ Морской улицы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь высится Реформатская церковь, въ калиткѣ небольшой усадьбы изъ трехъ низенькихъ домиковъ, крытыхъ дерномъ и съ высокой трубой на одномъ изъ нихъ, откуда день и ночь валилъ густой черный дымъ, показался молодой человѣкъ. Запахнувшись поплотнѣе въ плащъ и придерживая одной рукой фонарь, онъ бы-

стро направился по берегу Мойки къ Голландскому острову. Тутъ онъ рѣзко свистнулъ, и въ отвѣтъ на его свистокъ отъ противоположнаго берега отвалилъ яликъ и, прыгая съ волны на волну, пересѣкъ мятущуюся рѣку, захватилъ путника и перевезъ его.

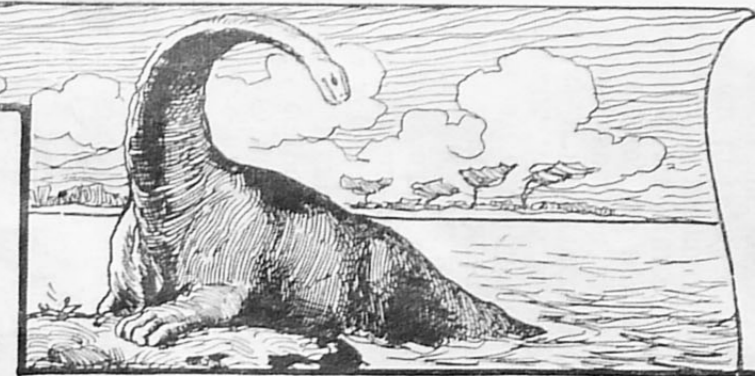
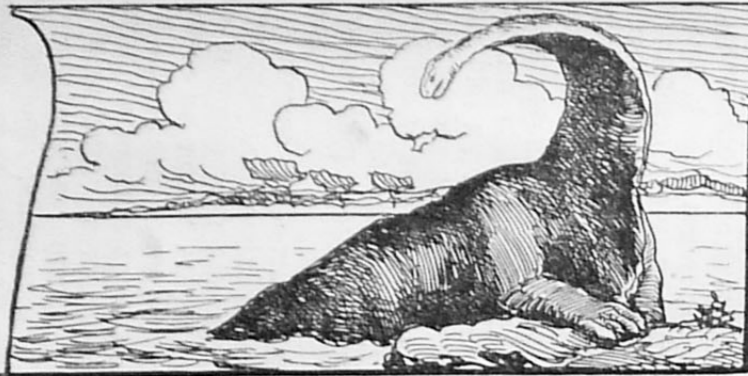
Очутившись на Коломенской сторонѣ, молодой человѣкъ направился къ единственной тогда въ тѣхъ мѣстахъ заселенной улицѣ—къ Англійской перспективѣ. Свернувъ влѣво отъ рѣки и едва справляясь съ буйными порывами вѣтра, онъ миновалъ нѣсколько домиковъ, въ которыхъ жили преимущественно лопмана и иностранные мастера, работавшіе на сосѣднихъ верфяхъ. Поравнявшись съ однимъ изъ такихъ домиковъ, онъ заглянулъ въ щель плотно закрытой ставни и постучалъ въ калитку. Залаялъ сторожевой песъ, но призналъ знакомаго и радостно заскулилъ. Старый дворникъ отодвинулъ засовъ, и молодой человѣкъ, взбѣжавъ на крыльцо, толкнулъ дверь домика. Онъ очутился въ большой, чисто убранной, горницѣ съ гладко струганными стѣнами. Сбросивъ плащъ, онъ быстрымъ движеніемъ привлекъ къ себѣ подымающуюся со скамьи съ прялкой прелестную дѣвушку, стройный станъ которой ловко охватывалъ синій сарафанъ; бѣлоснѣжная рубашка отбѣняла нѣжную миловидность ея юнаго лица, а изъ тонкаго батиста рукавовъ выдѣлялись ея красивыя руки.

— Что такъ поздно, Алеша? Заждалась совсѣмъ,—проговорила она, ласковымъ движеніемъ руки откидывая свѣсившуюся черную прядь волосъ съ высокаго лба Алексея.

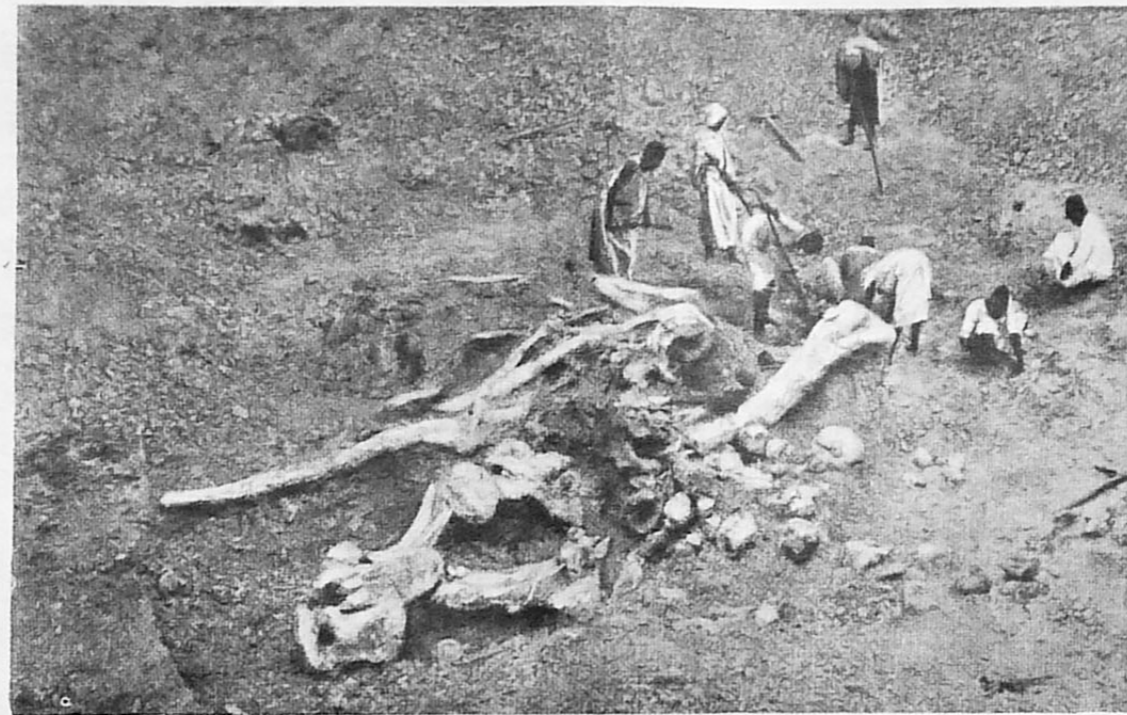
— Не могъ раньше, Катюша. Изморился совсѣмъ. Сама знаешь какой завтра день. Все надо было приготовить. Слава Богу, теперь, кажется, хорошо. Однако, Катюша, я проголодался. Собери-ка что найдешь.

Алексѣй, утомленный дневными тревогами и работой, откинулся къ стѣнѣ и, охваченный тепломъ горницы, невольно смежилъ очи.

Алексѣй былъ крѣпостнымъ человѣкомъ князей Курагинныхъ, богатѣйшихъ вельможъ своего времени. Старикъ-князь питалъ большую склонность къ искусствамъ. Среди его дворни были пѣвцы, поэты, музыканты, хотя и ихъ исправно драли на ко-

Отправка заделанных в гипс и запакованных в тростник костей динозавра.

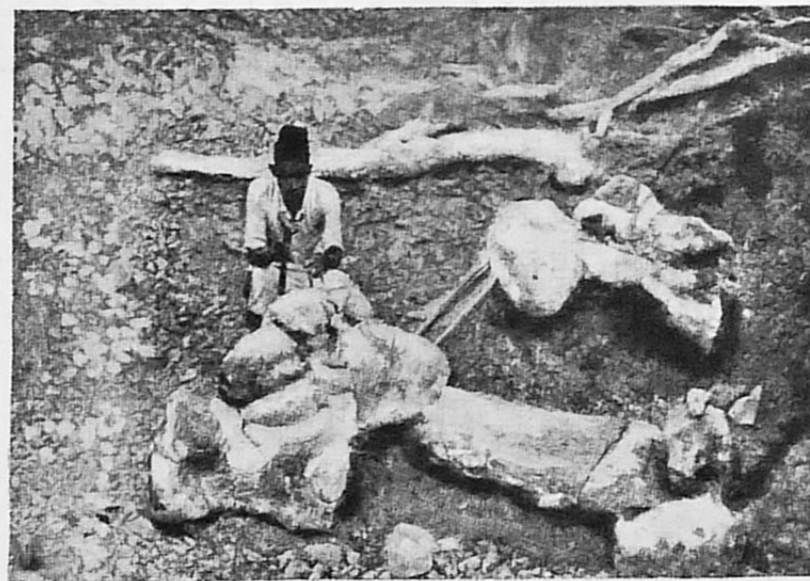
Оказавшиеся на поверхности останки допотопного чудовища.

Впервые открывшаяся за много тысяч лет поверхность земли.

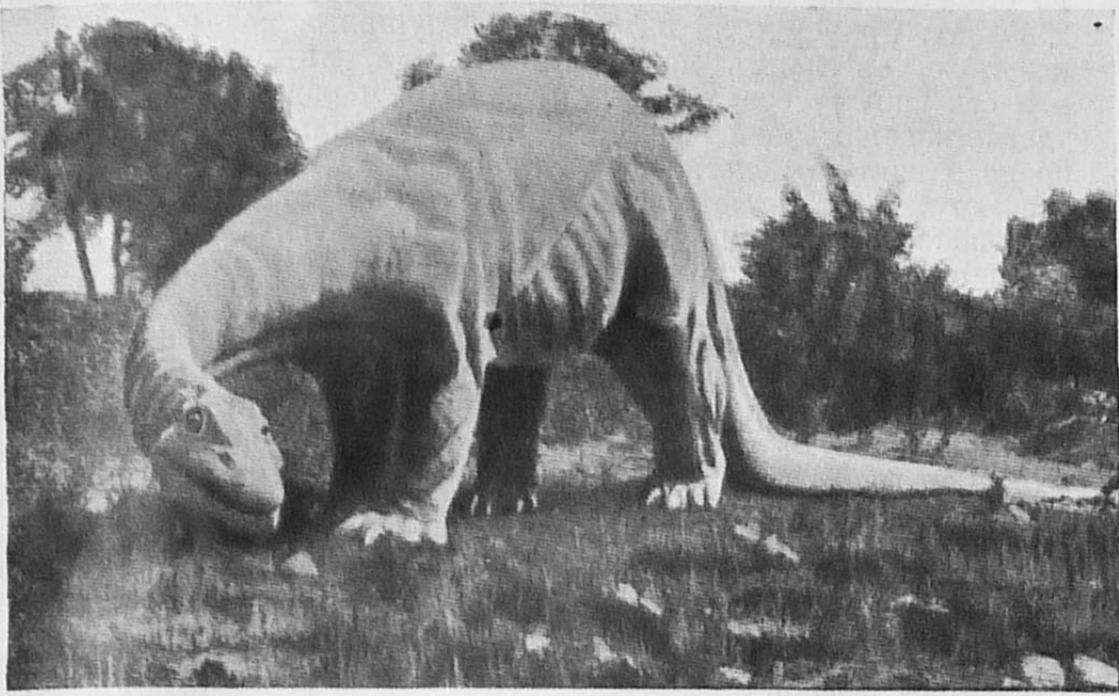
Очистка ребра динозавра.

Предварительная очистка останков динозавра.

Лопатка давно вымершего гигантского пресмыкающегося динозавра.

Диплодокъ.

нюнѣ, когда, по мнѣнію князя, они не достаточно высоко держали знамя искусства. У мамки его единственного сына, красивой и видной Устины, былъ сынъ Алексѣй. Подрастая, онъ часто игралъ со своимъ молочнымъ братомъ, молодымъ княземъ, и какъ-то старый Курагинъ замѣтилъ, что Алешка, балуясь, недурно начертить осколкомъ угля на бѣлой стѣнѣ двороваго жилища контуръ лошадиной головы. Алешку выдрали, чтобы не повадно было портить стѣнъ, но князь обратилъ все-таки на него вниманіе и, когда собрался ѣхать въ новую столицу, приказалъ взять съ собой и мамкина сына, рѣшивъ отдать его въ науку какому-нибудь художнику. А въ то время въ Петербургѣ было много заѣзжихъ иностранцевъ — художниковъ — и даровитыхъ и шарлатановъ-маляровъ. Курагинъ посоветовался съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ — кому отдать смысленаго Алексѣя. Шуваловъ указалъ ему на Ломоносова, который въ то время какъ разъ подыскивалъ молодого чело-вѣка, чтобы взять съ собой въ Римъ для изученія хитраго мозаичнаго искусства въ студіяхъ римскаго папы. И Алексѣй попалъ во временное владѣніе къ первому русскому ученому. Подъ его присмотромъ и подъ руководствомъ гостившаго въ Петербургѣ фран-цуза-художника Анеля Алексѣй сталъ быстро развивать свои недожинныя художественныя способности. Года черезъ два послѣ поступленія „въ выучку“ къ Ломоносову онъ былъ отправленъ къ ранѣе уѣхавшему за границу ученому и, встрѣтившись съ нимъ въ Римѣ, началъ работать въ папскихъ мозаичныхъ мастерскихъ. Монахи-мозаичисты удивлялись быстрой воспримчивости и смѣлостью юноши-художника. Алексѣй дѣлалъ такіе успѣхи въ трудномъ мозаичномъ мастерствѣ, что итальянцы предлагали ему хорошія деньги, лишь бы онъ навсегда остался у нихъ. Алексѣй не согласился и вмѣстѣ съ Ломоносовымъ вернулся обратно въ Петербургъ.

Здѣсь была устроена первая русская мастерская мозаичнаго искусства, въ которой онъ вмѣстѣ съ другимъ помощникомъ Ломоносова работалъ цѣлыми днями, тогда какъ самъ ученый, обремененный иными трудами и заботами, не столь-то часто и регулярно заѣзжалъ въ тѣсныя домики въ концѣ Морской улицы. Упорной работой Алексѣй добился того, что произведенія мозаичной мастерской стали обращать на себя вниманіе не только меценатовъ того времени, но и Двора. Однажды въ хижинку-мастерскую влетѣлъ, запыхавшись, Ломоносовъ, за нимъ приекакалъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, и въ скорости показался поѣздъ самой императрицы, желавшей посмотреть на диковинное художественное производство. Кажется, всѣхъ спокойнѣе былъ молодой Алексѣй, и, когда государыня обратилась къ нему съ какими-то вопросами, то онъ и царедворцевъ удивилъ, отвѣчая ей съ достоинствомъ глубокаго знанія своего дѣла. Государыня благосклонно выслушала его и нѣсколько разъ останавливала затѣмъ свой взоръ на пригожемъ лицѣ Алексѣя. На другой день дворцовый гонецъ привезъ ему отъ государыни пятьдесятъ червонцевъ награды, а старикъ Курагинъ вызвалъ его къ себѣ во дворецъ, удостоивъ цѣлованіемъ руки и выраженіемъ своего удовольствія.

Удача не вскружила голову Алексѣю, и онъ продолжалъ попрежнему не покладая рукъ работать въ душныхъ и грязныхъ мозаичныхъ мастерскихъ. И ему нужно было такъ работать, не разгибая спины.

Какъ-то у Исаакія, у вечерни, встрѣтилъ онъ молодую дѣ-

вушку, которая поддерживала сгорбленную старушку. Необыкновенная привлекательность и миловидность дѣвушки, ея скромность, ласковое и любовное обхожденіе со старушкой обратили вниманіе Алексѣя и заставили сильно забиться его сердце, еще не знавшее волненій, страданій и радостей любви. Нѣсколько разъ онъ нарочно ходилъ къ Исаакію — то къ вечерней службѣ, то къ праздничной утренѣ и всякій разъ, встрѣчаясь съ милой ему незнакомой дѣвушкой, все сильнѣе испытывалъ чувство необъяснимаго къ ней влеченія. И дѣвушка замѣтила Алексѣя. Какъ-то ему удалось прослѣдить, гдѣ живетъ незнакомка, и онъ узналъ, что она сирота, живетъ со своей матерью-старушкой, вдовой лоцмана Хеккерта, много лѣтъ назадъ переѣхавшаго изъ Швеціи въ Петербургъ и здѣсь и скончавшагося. Но познакомиться съ нею Алексѣй никакъ не могъ. Наконецъ, выйдя какъ-то изъ храма велѣдъ за ними, онъ увидѣлъ, какъ на старушку, поддерживаемую незнакомкой, мчалась чья-то карета, и выносной фореиторъ вмѣсто того, чтобы свернуть съ пути, яростно кричалъ „пади“ и гналъ лошадей прямо на растерявшихся женщинъ. Въ одно мгновенье Алексѣй очутился около нихъ и изъ подъ самыхъ лошадиныхъ мордъ сильнымъ движеніемъ оттащилъ въ сторону. Чѣмъ больше сближался онъ съ Катей, такъ звали дѣвушку, тѣмъ сильнѣе разгоралась въ немъ глубокая къ ней любовь. И Катя полюбила Алексѣя силой первой своей любви. Алексѣй давно спѣшилъ кончить свадьбой, но для этого ему нужно было получить вольную. Молодой же князь, вѣдавшій всѣми княжескими дѣлами, такъ какъ самъ старикъ ужъ былъ совсѣмъ плохъ, даромъ-что былъ молочнымъ братомъ Алексѣя, запросилъ за его выкупъ громадную по тому времени цѣну — пять тысячъ рублей. Алексѣй терпѣливо копилъ, работая по частнымъ заказамъ, и накопилъ уже порядочно, да за Катюшей было тысяча двѣ рублей.

Послѣ смерти старика молодой князь заказалъ Алексѣю исполнить мозаичной портретъ отца, хотя самъ, мозаики дотолѣ никогда не видѣлъ и вообще искусствомъ не интересовался нисколько. Это былъ взбалмошный, упрямый и тупой чело-вѣкъ, въ конецъ испорченный всѣмъ тѣмъ дурнымъ, что было въ изобиліи въ его время.

И вотъ Алексѣй, только-что закончивъ портретъ старика Курагина, наканунѣ представленія своей работы передъ очи князя пришелъ по обыкновенію провести вечеръ въ домъ Катюши.

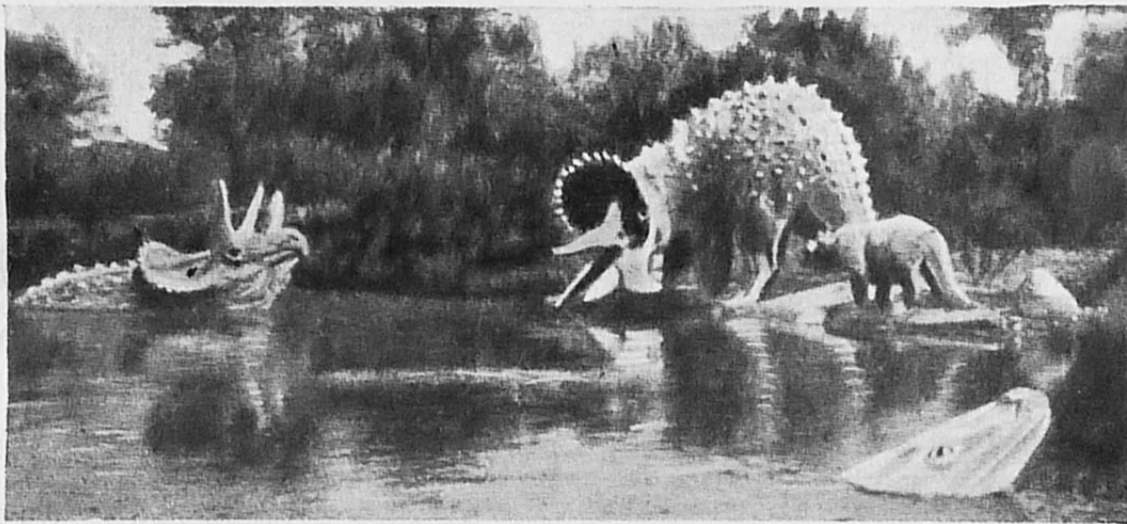
— Алеша, да никакъ ты заснулъ? — воскликнула Катя, ставя на столъ дымящуюся муравленую чашку.

— И въпрямъ заснулъ. Усталъ ужасно. Знаешь, Катя, вотъ второй день не могъ оторваться отъ горна, никакъ не удавалось получить такой тонъ

стекла для княжескаго портрета, который я чувствовалъ, что необходимъ. Все хорошо, а глаза — не удаются да и только. Изъ тѣхъ стеколъ, что привезли мы съ Михаиломъ Васильевичемъ изъ Италіи, нужнаго оттѣнка никакъ не подобрать. Вотъ и пришлось биться и мучиться плавить самому. Долго плавилъ я и переплавлялъ, — но все же въ концѣ концовъ добился своего...

И черные, какъ агаты, глаза Алексѣя загорѣлись огнемъ художественнаго удовлетворенія.

— Михайло Васильевичъ, — продолжалъ Алексѣй: — говорилъ, что портретъ и такъ хорошъ, и что, не имѣя нужныхъ приспособленій, мнѣ не выплавить тотъ тонъ, какой нуженъ, но мнѣ хотѣлось сдѣлать портретъ наилучшимъ. Все-таки старику-князю я

Семейство трицератопсъ.

Аллозавръ, пожирающій останки бронтозавра.

обязанъ тѣмъ, что изъ тѣмы вывелъ меня къ свѣту. Ну, вотъ я и добился своего. Маленькій кусочекъ стекла—не больше гранатика, что въ твоей серьгѣ,—а какъ выбилъ старое стекло да вставилъ выплавленное мною въ зрачокъ старика-князя, такъ и измѣнилось все лицо, словно кто въ него жизнь вдохнулъ.

— Понравился бы князюнкѣ, быть-можетъ, и выкупъ поменьше назначить,—все въ его волѣ,—вздыхнула Катюша.—Сколько-то еще надо копить намъ съ тобой!

— Да и такъ-то не долго ждать,—весело откликнулся Алексѣй.— Михайло Васильевичъ вотъ что сказывалъ мнѣ на той недѣлѣ. Страсть какой заказъ придетъ въ нашу мастерскую. Кто же будетъ больше вѣхъ работать? Опять же — я. Слышно, говорятъ, что государыня надумала въ Петропавловскомъ соборѣ монументъ поставить императору Петру такой, какого доселѣ не бывало. Нравится онъ мнѣ—страсть. Сама государыня придумать изволила купно съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и Михайломъ Васильевичемъ. Посреди храма поставятъ громадную фигуру императора, а вокругъ нея все колонны—до самаго верха. Промежъ заднихъ колоннъ уставятъ двѣ большія картины, кои будутъ изображать баталію подъ Полтавой и взятіе Азова-крѣпости; промежъ иныхъ колоннъ станутъ малыя картины—первые дни царствованія Петра, какъ учредилъ онъ Сенатъ, какъ основалъ Петербургъ, какъ управлялъ сразу четырьмя флотами, и инья изображенія славнаго его царствованія. Вотъ что надумали дѣлать. И все будетъ исполнено мозаикой. Все стекломъ, и ни кусочка обыкновенной живописи. Какъ меня тянетъ эта работа! Знаешь, Катя, я такъ много думаю о ней, что вотъ проснусь ночью и продолжаю видѣть, словно наяву, тѣ картины мозаикъ, что грезились мнѣ во снѣ. Чувствую я, что моей работой не одна только государыня будетъ довольна, но что если бы и лучшіе папскіе мозаичисты увидѣли ее, то крѣпко позавидовали бы намъ. Мозаика—искусство еще не оцѣненное, но великое. Недаромъ Михаилъ Васильевичъ написалъ:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ...

— А мозаика, это—то же стекло, только одушевленное творчествомъ художника-мозаичиста, какъ говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ учителей итальянцевъ-монаховъ. Ахъ, Катюша, только бы дожидаться этого заказа—и не стоитъ говорить о выкупѣ, что князюнка назначилъ. Мигомъ справимся.

Заговоривъ о любимомъ искусствѣ, Алексѣй весь преобразился. Блѣдныя щеки запылали, заблестѣли огнемъ молодые глаза.

Долго бесѣдовали молодые люди. Давно за печью успокоилась старушка-вдова, уже дважды гасъ масляникъ, и снова зажгала его Катюша, а они все не могли наговориться, рисуя картины своей дружной трудовой жизни.

На утро въ княжескомъ покоѣ Алексѣй стоялъ около мольберта, на которомъ былъ укрѣпленъ портретъ старика-князя. На красномъ бархатѣ фона красиво выдѣлялись нѣсколько блеклыя тона мозаики, и словно живое смотрѣло лицо Курагина съ характернымъ орлинымъ носомъ и отвислымъ чувственнымъ подбородкомъ. Алексѣй спокойно ждалъ выхода молодого князя, увѣренный въ признаніи успѣха своей работы.

— Ахъ, не въ духѣ сегодня чтой-то нашъ князюнка, — промолвилъ, выходя изъ сосѣдней комнаты, старикъ-камердинеръ Арефичъ, дядя Алексѣя.—Избить собственноручно изволил фалетора Иванку за то, что не въ линію лошадей подалъ, какъ утромъ закладывали, а вотъ сейчасъ Алексашкѣ попало, что не столъ горячую воду принесъ. Какъ бы и съ тобой, Алешенька, грѣха не было.

— Мнѣ-то нечѣмъ княжескаго гнѣва вызвать,—отвѣтилъ Алексѣй, бодро тряхнувъ кудрями.

— Ну, никакъ итти изволятъ. Дай-то Богъ тебѣ всего хорошаго!—и старикъ поспѣшилъ вонъ изъ комнаты.

Изъ другихъ дверей какъ разъ входилъ князь съ управителемъ и бѣднымъ дворянчикомъ-приживальщикомъ. Отвѣтивъ кивкомъ головы на низкій поклонъ Алексѣя, князь скользнулъ глазами

по его стройной и щеголеватой фигурѣ и остался чѣмъ-то недоволенъ. Сравнилъ ли онъ себя, тщедушнаго, молодого, но уже изжитаго, съ своимъ молочнымъ братомъ, въ которомъ такъ и рвалось наружу счастье быть любимымъ и радостное творческое удовлетвореніе своей работой,—но только онъ плотно сдвинулъ брови и какъ-то нѣхотя перевелъ глаза на портретъ отца. Нѣсколько минутъ вематривался онъ въ портретъ, и лицо князя становилось все мрачнѣе и мрачнѣе, и вдругъ судорога гнѣва, не привыкшаго сдерживаться, болѣзненно-сумасброднаго, исказила его черты.

— Чтò это?—вскрикнулъ онъ наконецъ.—Это и есть твое хваленое искусство! Этому ты только и научился, нашими милостями путаясь у итальянишекъ? Ты чтò, смѣнешся, что ли, блудячій сынъ? Батюшку моего, государыни нашей генераль-аншефа и вельможу російскаго вздумалъ изобразить какими-то кусочками да осколками!

Поблѣднѣвшій, какъ полотно, едва сдерживая себя, Алексѣй отвѣтилъ чуть дрогнувшимъ голосомъ:

— Ваше сіятельство, извольте отойти на нѣкоторое разстояніе. Искусство мозаичное вблизи смотрѣть непригодно. Имъ надлежитъ любоваться издали.

— А, такъ ты еще учишь меня смѣнешь! Ну, люди! Но до этого дѣло не дойдетъ. Холопы еще не учили князей Курагиныхъ! Я вотъ покажу тебѣ, самъ покажу!—и князь замахнулся на Алексѣя длиннымъ чубукомъ, который держалъ въ рукахъ.

Но тутъ онъ встрѣтился съ глазами Алексѣя и какъ-то сразу осѣкся и опустилъ руку.

— Я ему покажу, холопу,—повторилъ онъ:—какъ учишь князя Курагина! Дать ему двѣсти розогъ,—сквозь зубы обратился онъ къ управителю:—да послать въ нашу пермскую вотчину на салотопенные заводы, пусть тамъ потопитъ сало. Да тотчасъ же!

И вышелъ изъ комнаты.

Въ тотъ же день, поздно ночью, черезъ Московскую заставу, въ тряской кибиткѣ, провезли въ далекую пермскую курагинскую вотчину полуживого, избитаго Алексѣя. Ослушаться князя никто не посмѣлъ. Когда разнеслась о томъ вѣсть по городу, то и Ломосовъ и самъ Шуваловъ тщетно старались образумить князя. Онъ крѣпко стоялъ на своемъ. Ничто не могло спасти Алексѣя.

Прошло около двухъ лѣтъ. Приѣхалъ къ князю съ оброкомъ бурмистръ пермской вотчины. Оброки были собраны хорошіе, урожай отбѣнные, заводы топили сало, какъ нельзя лучше. Получивъ донесенія, князь изволил допустить бурмистра къ своей рукѣ. Но затѣмъ, просматривая списки бѣглыхъ крѣпостныхъ, онъ нахмурилъ брови.

— Чтò это много бѣгуновъ?—спросилъ князь.

Ничего подѣлать нельзя, ваше сіятельство, — такъ тяжело на сальныхъ заводахъ—все мрутъ или въ бѣга ударяются, такой недостойный народъ. Особливо тѣ, что ваше сіятельство къ намъ изъ другихъ вотчинъ присылать изволите.

— Ну, а Устиньинъ сынъ, онъ какъ? — только вспомнивъ про Алексѣя, спросилъ князь.

Бурмистръ замаялся.

— Да говори же, чего тамъ,—вскричалъ князь.

— Осмѣлюсь доложить, что въ скорости, какъ мы его къ работѣ поставили, такъ онъ вмѣсто благодарности вашему сіятельству, что его, дурака, учишь изволите, убѣгъ. Однако мы его изловили, малость наказали и въ легонькіе кандалы заковали, чтобы въ головѣ глупостѣвъ не было. Такъ нѣтъ ему, непутящему, покоя—только къ котламъ его приноровили сызнова, онъ шастъ, да съ головой въ котель. Мыслимое ли дѣло живому остаться.

Князь, насупившись, молчалъ.

— За то, что не слѣдитъ за своими людьми, — промолвилъ князь, обращаясь къ управителю и указывая на бурмистра:—отодрать его. А тѣ деньги, чтò копилъ Алеша и чтò послѣ него остались—отдать на поминъ его гордой души.

И князь умѣлъ быть милостивымъ...

Ископаемая животныя.

(Съ 9 рис. на стр. 138 и 139).

Исторія животнаго царства представляетъ огромный интересъ, показывая, какія значительныя измѣненія происходятъ въ теченіе долгихъ періодовъ существованія земли, и знакомя съ необыкновенными, уже болѣе не существующими, представителями животныхъ, являющимися родоначальниками существующихъ въ настоящее время типовъ. Тѣ незначительныя перемѣны, которыя доступны непосредственному наблюденію живущаго поколѣнія, накопляясь вѣками, ведутъ къ постепенному вымиранію однихъ видовъ животныхъ и появленію новыхъ видовъ, оказывающихся болѣе приспособленными въ борьбѣ за существованіе. Исторія животнаго царства показываетъ, какъ постепенно совершается эволюція, какъ постепенно переходитъ, видоизмѣняется одинъ типъ животнаго въ другой въ конечномъ результатѣ долгихъ періодовъ, теряющихъ совершенно сходство съ первоначальнымъ типомъ. Общность происхожденія отъ одного типа для многихъ животныхъ доказывается очень интереснымъ фактомъ. Именно,

въ своемъ эмбриональномъ развитіи зародышъ животнаго проходитъ въ теченіе короткаго времени тѣ стадіи, которыя прошли предки животнаго прежде, чѣмъ достигли своего настоящаго развитія. Наиболѣе понятнымъ примѣромъ этого могутъ быть всѣмъ извѣстныя стадіи развитія лягушки.

Развивающійся изъ яйца, головастикъ лягушки является приспособленнымъ исключительно для воднаго существованія, имѣетъ наружныя жабры, строеніе сердца и кровеносныхъ сосудовъ такое же, какъ у рыбы. Въ дальнѣйшемъ развитіи жабры исчезаютъ, вырастаютъ заднія ноги, теряется хвостъ, и головастикъ превращается въ лягушку. Эта переходная стадія въ развитіи лягушки, какъ признакъ наслѣдственности, указываетъ на то, что лягушка происходитъ отъ предковъ, имѣвшихъ жабры и хвостъ.

Такіе же признаки заставляютъ предполагать, что птицы произошли отъ пресмыкающихся, хотя по наружному виду трудно было бы найти что-нибудь общее между птицей и, напр., ящери-

пей. Естественно, что было бы чрезвычайно интересно проследить все ступени, которые прошло животное царство в своем развитии, но, как говорят, „природа умѣетъ хранить свои тайны“, и до сихъ поръ удается намѣтить лишь главные переходныя стадіи на основаніи того, что удается добыть при раскопкахъ въ слояхъ земли, имѣющихъ свое происхождение въ глубокой древности и сохранившихъ въ себѣ останки допотопныхъ животныхъ.

Конечно, органическій міръ подвергается быстрому разложенію и уничтоженію, и только слишкомъ небольшое изъ живыхъ организмовъ при благоприятныхъ условіяхъ можетъ сохраниться въ теченіе долгихъ вѣковъ, въ большинствѣ же случаевъ вымирающія породы могутъ исчезнуть безъ всякихъ слѣдовъ. Въ этомъ отношеніи приведенная выше фраза можетъ быть переинтерпретирована: можно сказать, что природа не умѣетъ хранить своихъ тайнъ. Пытливымъ изслѣдователямъ, пытающимся проникнуть въглубь вѣковъ, природа можетъ дать лишь незначительные остатки. На ихъ долю въ большинствѣ случаевъ достаются останки скелетовъ, иногда отдѣльныя кости, въ рѣдкихъ случаяхъ—останки цѣлаго животнаго. Совершенно понятенъ тотъ интересъ, который возбуждаетъ каждая такая находка, въ особенности, если удастся получить полный скелетъ вымершаго животнаго. Помѣщенные иллю-

завра. Кожа этого гигантскаго животнаго не была покрыта чешуей и не представляется ороговѣвшей, а покрыта множествомъ углубленій и бугорковъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ удается получить такую цѣнную находку, и обыкновенно работу возстановленія приходится воспроизводить на основаніи останковъ скелета, такъ какъ костная ткань вълѣдствіе своей прочности можетъ пережить долгіе періоды, не разрушаясь при благоприятныхъ условіяхъ.

Въ послѣднее время возникла очень интересная мысль: познакомиться широкой публикѣ съ главными типами допотопныхъ животныхъ въ соответственной приблизительно обстановкѣ. Такая попытка осуществлена Гагенбекомъ въ Штиллингенѣ, который соорудилъ коллекцію слѣпковъ ископаемыхъ животныхъ и размѣстил ихъ въ зоологическомъ саду. Конечно, затѣя подобнаго рода имѣетъ большой интересъ, такъ какъ сразу даетъ любопытную картину гигантскихъ чудовищъ, населявшихъ когда-то землю и безслѣдно исчезнувшихъ, въ наглядной формѣ даетъ возможность сравненія между тѣмъ, что когда-то существовало и что существуетъ на землѣ въ настоящее время. Такой параллелизмъ въ состояніи возбудить стремленіе и интересъ къ исторіи нашей планеты и къ изученію геологической исторіи животнаго царства.

Еще ранѣе въ Америкѣ отдѣльныя слѣпки допотопныхъ живот-

Фельдмаршалъ графъ Д. А. Милютинъ на смертномъ одрѣ. Рядомъ покоится въ гробу умершая за нѣсколько дней до своего мужа графиня Н. М. Милютина, похороненная вмѣстѣ съ мужемъ 3 февраля с. г., въ семейномъ склепѣ въ Новодевичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ.

страціи знакомятъ читателей съ одной изъ такихъ находокъ, съ открытіемъ скелета огромнаго допотопнаго пресмыкающагося — динозавра (*dinosaurus*), найденнаго въ восточной Африкѣ, въ германскихъ владѣніяхъ. Въ періодъ дождей стремительный потокъ воды размывъ почву, при чемъ останки динозавра отчасти оказались на поверхности земли, отчасти на незначительной глубинѣ, такъ что ихъ было нетрудно открыть. Значительныя трудности представило только отдѣлить пристаившій слой, очистить ихъ и транспортировать. Такъ какъ нѣкоторыя кости оказываются полунетлѣвшими и слишкомъ хрупкими, ихъ приходится пропитывать особымъ составомъ. Кромѣ того, чтобы предохранить во время транспортированія, кости приходится закрывать въ гипсъ и запаковывать въ тростникъ.

На основаніи такихъ, иногда весьма неполныхъ, находокъ, иногда же на основаніи только нѣсколькихъ отдѣльныхъ костей ученымъ приходится продѣлывать трудную работу—возстановить видъ исчезнушаго доисторическаго животнаго, возстановить форму недостающихъ частей скелета, возстановить весь скелетъ, какъ онъ долженъ представляться въ цѣломъ, и опредѣлить типъ животнаго. Характерныя особенности въ формѣ и строеніи черепа, конечно, даютъ столько указаній на образъ жизни, который вело животное, что во многихъ случаяхъ удается возстановить видъ животнаго въ достаточно полной степени.

Конечно, задача облегчается, если, по счастливой случайности, сохраняются не только кости скелета, но и части тканей и крововъ. Тогда съ болѣею достоверностью и съ болѣею подробностями можно возстановить то, что разрушилось и исчезло въ теченіе долгихъ тысячелѣтій, которыя протекли со времени существованія допотопныхъ животныхъ. На рис. 7 можно видѣть сохранившійся остатокъ кожныхъ покрововъ чудовищнаго дино-

ныхъ были воспроизведены скульптуромъ К. Найтъ и помѣщены въ американскихъ музеяхъ. Конечно, какъ бы ни былъ искусенъ скульпторъ, врядъ ли возможно дать полное и точное представленіе о навсегда исчезнувшемъ животномъ. Для этого нѣтъ достаточныхъ данныхъ, на которыя можно было бы опереться, слишкомъ многого не хватаетъ для полноты картины,—но все же то, что можетъ дать подобнаго рода слѣпокъ, представляется въ высокой степени поучительнымъ. Отдѣльныя слѣпки могутъ дать понятіе, насколько удовлетворительно выполнена трудная задача воспроизведенія исчезнувшихъ съ лица земли животныхъ въ ихъ натуральную величину. Гигантскіе диплодоки, трицератопсы съ причудливой формой головы, аллозавры фигурируютъ въ наиболѣе естественныхъ позахъ и обстановкѣ, которую, конечно, можно воспроизвести только въ очень приблизительной формѣ. Кромѣ того, цѣлый рядъ другихъ чудовищъ—амфибій, ископаемыхъ различныхъ періодовъ—наполняютъ фантастическій садъ Гагенбека.

Какъ удачный способъ распространенія палеонтологическихъ познаній, эта попытка созданія такого рода зоологическихъ парковъ съ ископаемыми животными заслуживаетъ большого вниманія и должна служить примѣромъ для подражанія. Быть-можетъ, и у насъ найдутся предприимчивые люди, которые задалась бы плодотворной цѣлью создать подобное же учрежденіе, имѣющее несомнѣнно полезное значеніе. Еще болѣе интереса представило бы точное воспроизведеніе не только животныхъ, населявшихъ когда-то землю, но и той растительности, которая также навсегда исчезла вмѣстѣ съ вымершими представителями животнаго царства. Конечно, это представляетъ гораздо болѣе трудности и значительно повысило бы тѣ затраты, которыя необходимы для устройства зоологическаго парка съ чудовищными ископаемыми.

Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

(Съ 5 портр. на этой стр.).

Последняя конкурсная выставка, представляющая, какъ всегда, годичный отчетъ объ успѣхахъ учащихся въ Высшемъ Художественномъ Училищѣ и мастерскихъ Академіи Художествъ, была особенно богата количествомъ выставленныхъ работъ.

Званіе художника по живописи получили ученики мастерской проф. В. Е. Маковского: Е. М. Чепцовъ (карт. „У доктора“), А. И. Снѣгиревъ (карт. „Въ закладъ“) и В. Ф. Сысоевъ (карт. „Судъ“); ученики мастерской проф. В. Е. Савинскаго: И. К. Дряпаченко (карт. „Саломея“), Д. Ф. Федотовъ (карт. „Самсонъ и Далила“), М. Н. Панинъ (карт. „Тайный выѣздъ Грознаго передъ опричиной“), Н. С. Сергѣевъ (карт. „Лѣто“), А. Я. Соколь (карт. „Послѣ полочки“), А. И. Кадниковъ (карт. „Напутствіе“) и Д. Ф. Шарповъ (карт. „Изъ жизни Востока“); ученики мастерской проф. Д. Н. Кардовскаго: П. С. Наумовъ (карт. „Ревекка и Елеазаръ“), П. А. Шилинговскій (карт. „Въ Бессарабіи“), А. И. Разчубкинъ (карт. „Лишняя“) и К. Э. Линблатъ (карт. „Самсонъ“); ученики мастерской проф. Н. Н. Дубовскаго: К. И. Горбатовъ (карт. „Приплыли“) и А. Королевъ (карт. „Тихо на озерѣ“); ученики проф. Ф. А. Рубо: Г. Н. Горбуловъ (карт. „Чудо при погребеніи св. Александра Невскаго“), П. С. Добрынинъ (карт. „Царское строительство“) и М. Б. Грековъ (карт. „Волы“); ученикъ мастерской проф. В. В. Матѣ — Н. Бултеръ получилъ званіе художника за выставленные имъ цвѣтные офорты.

Высшей награды — посылки на казенный счетъ за границу — удостоены по живописи: Е. Чепцовъ, К. Горбатовъ и Г. Горбуловъ; по архитектурѣ: Р. Верховской и А. Рухлядевъ.

Ефимъ Михайловичъ Чепцовъ родился въ селѣ Медвѣденкѣ Курской губ., первоначальное художественное образованіе получилъ у отца и въ 1905 г. поступилъ въ Академію. Кромѣ картины „У доктора“, на конкурсной выставкѣ были его картины „Лѣтомъ“, „Въ праздникъ“ и нѣсколько этюдовъ.

Константинъ Ивановичъ Горбатовъ родился въ г. Ставрополѣ Самарской г. и все дѣтство провелъ въ одной изъ самыхъ живо-

Лауреаты Императорской Академіи Художествъ.

писныхъ мѣстностей Поволжья — въ „Жигуляхъ“. Окончивъ реальное училище въ Самарѣ, гдѣ онъ пристрастился къ рисованію, подъ руководствомъ художника Бурова, К. И. поступилъ на службу въ г. Томскѣ, но вскорѣ переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ заниматься въ художественномъ училищѣ барона Штиглица. Педантическое, сухое преподаваніе въ училищѣ оттолкнуло на время молодого художника отъ любимого дѣла, и онъ поступилъ въ Рижскій политехническій институтъ, откуда вскорѣ перешелъ въ Академію Художествъ на архитектурное отдѣленіе. Но влеченіе къ живописи взяло верхъ, и, спустя годъ, К. И. перешелъ въ пейзажный классъ, гдѣ въ то время былъ проф. А. А. Киселевъ, и съ 1903 г. всецѣло отдался любимому дѣлу. Съ 1905 г. К. И. Горбатовъ выстав- ляетъ уже свои картины на Акварельныхъ, Передвижныхъ и Весеннихъ выставкахъ и занимаетъ настолько видное положеніе среди молодыхъ пейзажистовъ, что нѣкоторыя изъ его картинъ приоб- рѣтаются для Музея Академіи.

Гавриилъ Никитичъ Горбуловъ родился въ 1880 году въ крестьянской семьѣ Московской губерніи. Принимая участіе во всѣхъ крестьянскихъ работахъ и обучаясь въ земской школѣ, онъ все досуги посвящалъ рисованію, и, когда на выпускномъ экзаменѣ его спросили, чѣмъ онъ хочетъ быть, Гавриилъ Никитичъ отвѣтилъ, что его завѣтная мечта — „расписывать стѣны церквей“. На 12-мъ году его отдали въ Москву въ ученіе къ подрядчику-иконописцу по контракту на 5 лѣтъ. Здѣсь ему пришлось топить печи, бѣгать въ лавочку, мести полы, тереть краски, грунтовать холсты и учиться лишь въ промежуткахъ между подобнымъ дѣломъ. Однако даже при такихъ условіяхъ молодой ученикъ настолько успѣваетъ въ работѣ, что еще за годъ до срока становится „подмастерьемъ“, а на 19-мъ году ставъ наконецъ самостоятельнымъ, поступаетъ въ Пензенскую художественную школу. Чтобы добыть средства, дававшія ему возможность продолжать заниматься въ школѣ, Г. Н. въ каникулярное время лѣтомъ обыкновенно поступалъ къ подрядчикамъ-иконо-

писцамъ, гдѣ трудъ его оплачивался все лучше и лучше, и, проработавъ 10—12 час. въ сутки по обязательству, лишь въ остальное время писалъ онъ этюды „для себя“. Ученіе въ школѣ шло успѣшно, и, получивъ лестную рекомендацію, Г. Н. поступилъ въ Академію, гдѣ въ мастерской проф. Рѣпина скоро занялъ вы-

В. А. Мазуркевичъ. По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности.

дающееся положеніе среди своихъ товарищей. По уходѣ Рѣпина изъ Академіи, Г. Н. перешелъ въ мастерскую проф. Рубо уже опредѣлившимся художникомъ, когда историческія картины его стали появляться на выставкахъ и создали ихъ автору извѣстность раньше, чѣмъ онъ окончилъ Академію.

Г. Н. Горѣловъ получилъ высшія преміи на конкурсахъ въ Обществѣ Поощренія Художествъ, на прошлогодней Весенней выставкѣ въ Академіи за картину „Осмѣяніе еретиковъ“ (воспроизведенную въ „Нивѣ“ за 1911 годъ), и за ту же картину—золотую медаль на Всемирной выставкѣ въ Римѣ.

Воспроизведенія съ картинъ К. И. Горбатова и Г. Н. Горѣлова неоднократно помѣщались въ нашемъ журналѣ за послѣдніе годы.

Романъ Николаевичъ Верховской, дворянинъ Костромской губерніи, родился въ 1882 году, окончилъ Варшавское реальное училище и въ 1902 году поступилъ въ Академію Художествъ. Въ томъ же году родился и поступилъ въ Академію Алексѣй Михайловичъ Рухлядевъ. Оба получили званіе и заграничную поѣздку за проектъ дома русскаго посольства, исполненный на тему, заданную совѣтомъ Академіи.

В. А. Мазуркевичъ.

(Портр. на стр. 142).

8 февраля с. г. исполнилось 25-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго поэта В. А. Мазуркевича, пользующагося большою популярностью въ писательской и театральной средѣ.

Владиміръ Александровичъ Мазуркевичъ родился въ 1871 году въ Петербургѣ. Образование получилъ въ Ларинской петербургской гимназійи и въ Петербургскомъ университетѣ. По окончаніи университетскаго курса, вступилъ въ сословіе присяжной адвокатуры, затѣмъ перешелъ на нѣкоторое время на государственную службу, потомъ снова вернулся въ адвокатуру. Еще позднѣе В. А. отдался сценѣ: онъ поступилъ въ профессиональные актеры и съ большимъ успѣхомъ игралъ въ теченіе трехъ лѣтъ на сценѣ въ роляхъ простаковъ и комиковъ. Параллельно съ этимъ, интересуясь русской старинной, онъ слушалъ лекціи въ Археологическомъ институтѣ, въ которомъ и кончилъ курсъ со званіемъ дѣйствительнаго члена института. Въ 1906 году В. А. Мазуркевичъ заведывалъ репертуаромъ въ „Современномъ Театрѣ“ (тамъ же онъ служилъ и актеромъ), и, благодаря ему, въ этомъ театрѣ былъ поставленъ впервые въ Россіи на русскомъ языкѣ „Заговоръ Фіеско“ Шиллера.

Такова, въ краткихъ чертахъ, біографія поэта съ ея чисто внѣшней стороны. Чтò касается собственно литературной дѣятельности В. А. Мазуркевича, то она началась очень рано, еще на гимназической скамьѣ. Первое его произведеніе, — это было стихотвореніе, — напечатано было въ журналѣ „Родина“ 8 февраля 1887 года.

Съ этого времени В. А. горячо отдался поэтическому творчеству и, будучи студентомъ, уже считался постояннымъ сотрудникомъ многихъ журналовъ и газетъ. Литература стала тогда для него не только „крикомъ сердца“, но и профессиональнымъ трудомъ, опредѣлившимъ всю его дальнѣйшую жизнь. Въ университетскіе же годы В. А. Мазуркевичъ участвовалъ и въ извѣстномъ въ свое время „Сборникѣ произведеній студентовъ Петербургскаго университета“, вышедшемъ въ свѣтъ подъ редакціей трехъ свѣтилъ русской литературы: Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго. Нечего и говорить, что В. А. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ и вкладчиковъ этого изданія. Большое участіе В. А. принималъ и принимаетъ также и въ извѣстномъ кружкѣ покойнаго поэта К. К. Случевского.

В. А. Мазуркевичу принадлежитъ огромное количество литературныхъ произведеній. Имъ выпущено въ свѣтъ два тома стихотвореній („Стихотворенія“ и „Монологи и поэмы“), сборники разсказовъ „Мазки и брызги“, „Отъ скуки“, „Море смѣха“, сборникъ одноактныхъ пьесъ „Для съѣзда“ и нѣсколько книгъ для дѣтей. Кромѣ того, перу В. А. Мазуркевича принадлежитъ довольно много крупныхъ драматическихъ произведеній, шедшихъ на сцену разныхъ театровъ. Таковы его комедіи „Князь міра сего“, „Дѣвушка XX вѣка“, „На слабыхъ струнахъ“, драма въ стихахъ „Сердце женщины“, комедія „Веселый день Наполеона“ и др. Кромѣ того, имъ переведена съ польскаго пяти-актная драма въ стихахъ Козловскаго „Турниръ“.

Какъ переводчикъ, В. А. Мазуркевичъ давно пользуется заслуженной почетной извѣстностью. Онъ перевелъ поэму Байрона „Мазепа“, поэму Шекспира „Страстный пилигримъ“, комедію Мольера „Школа мужей“, множество мелкихъ стихотвореній и сонетовъ этихъ авторовъ и много басенъ Лафонтена. Въ крупную заслугу В. А. Мазуркевичу слѣдуетъ поставить также прекрасный переводъ одного изъ классическихъ произведеній венгерской литературы, поэмы Э. Мадача „Трагедія чловѣка“.

Стихотворенія В. А. Мазуркевича отличаются рѣдкой художественной законченностью. Въ его талантѣ рѣзко и опредѣленно выдѣляется свойство „академичности“, т.-е. художественной культурности, доведенной до той степени, на которой литературныя произведенія становятся образцовыми. Совершенство формы, тонкая отдѣлка стиха, его звучность и музыкальность свойственны поэзіи В. А. Мазуркевича въ высшей степени. Недаромъ онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ „академіи“ К. К. Случевского, какъ называли и въ шутку и серьезно кружокъ покойнаго поэта-мыслителя. Эта „академія“ въ свое время отшлифовала не одинъ талантъ.

К. Д. Бальмонтъ.

(Портр. на этой стр.).

Недавно исполнилось 25-лѣтіе литературной дѣятельности поэта К. Д. Бальмонта.

К. Д. Бальмонтъ пользуется заслуженной громкой извѣстностью въ русскихъ литературныхъ и читательскихъ кругахъ. Его стихотворенія, его прекрасные переводы Шелли, Эдгарда Поэ, Ибсена, Оскара Уайльда и другихъ европейскихъ поэтовъ создали ему громкое имя въ нашей литературѣ. К. Д. Бальмонтъ считается талантливѣйшимъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ, и, какъ таковой, онъ создалъ цѣлую школу и вызвалъ много подражателей.

Заслуги К. Д. Бальмонта въ русской поэзіи очень велики. Онъ придалъ русскому стиху, русской поэтической рѣчи небывалую звуковую красоту и пѣвучесть и разрѣшилъ интересную и трудную задачу почти полного сближенія стиха съ музыкой. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній такъ звучны и мелодичны, что уже простое чтеніе ихъ приближается къ музыкальной гармоніи. Безупречная красота формы, новизна созвучій, гибкость и эластичность стихотворной рѣчи поражаютъ въ произведеніяхъ К. Д. Бальмонта и заставляютъ считать

его еще непревзойденнымъ мастеромъ стиха и почти реформаторомъ русскаго стихосложенія—такъ много оригинальныхъ и новыхъ формъ и созвучій внесено имъ въ стихотворный обиходъ русской поэзіи и литературы.

Константинъ Дмитриевичъ Бальмонтъ родился въ 1867 году. Образование онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ. Литературная дѣятельность у него началась довольно рано, а въ 1890 году онъ выпустилъ въ свѣтъ свой первый сборникъ стихотвореній (такъ и названный имъ „Сборникъ“). Въ своихъ первыхъ стихотвореніяхъ талантливый поэтъ рисовалъ настроенія и образы, связанные съ деревней, въ которой протекло его дѣтство. Послѣдующія его произведенія носятъ уже нѣсколько иной характеръ: въ нихъ чувствуется настоящій Бальмонтъ, смѣлый новаторъ стиха, оригинальный истолкователь настроеній и чувствъ, переживаемыхъ утонченно-культурнымъ чловѣкомъ, слегка утомленнымъ и надломленнымъ болѣзненной и шумной жизнью города. Въ дальнѣйшихъ сборникахъ его стихотвореній („Тишина“, „Горяція зданія“, „Будемъ какъ солнце“, „Только любовь“, „Литургія красоты“ и др.) Бальмонтъ воссѣваетъ быстро мѣняющіяся настроенія современнаго чловѣчества, его переходы отъ душевнаго подъема къ мрачной подавленности. Заглавіе одной изъ наиболѣе яркихъ книгъ К. Д. Бальмонта: „Литургія красоты“—можетъ считаться исчерпывающей характеристикой всей литературной дѣятельности его: красотѣ и только красотѣ служило и служить его талантливое перо, освободившееся отъ многихъ рутинныхъ путей и традицій и давшее русской литературѣ много смѣлаго, новаго и красиваго.

Несмотря на нѣкоторую претенціозность, изрѣдка встрѣчающуюся въ его творествѣ и обусловливаемую лишь стремленіемъ его обновить стихотворный языкъ и обогатить его новыми формами и словами, поэзія Бальмонта всегда была признаваема и цѣнима всеми литературными кругами, безъ различія толковъ и лагерей. Крупный талантъ К. Д. Бальмонта примиряетъ его со всеми разнообразными теченіями нашей современной литературы

К. Д. Бальмонтъ. По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности.

и, какъ уже мы говорили, заставляетъ его признать самымъ выдающимся изъ современныхъ поэтовъ.

За послѣднее время К. Д. Бальмонтъ углубляется съ особенной любовью въ изученіе и воспроизведеніе поэзи древнихъ народовъ. Его новые сборники стихотвореній: „Зовы древности“, „Зеленый вертоградъ“, „Жарь-Птица“—содержатъ любопытные образчики стилизованнаго древняго творчества разныхъ народовъ.

Переводы иностранныхъ поэтовъ, принадлежащіе К. Д. Бальмонту, отличаются рѣдкой точностью и близостью къ подлиннику и всѣми качествами звучнаго, богатаго, оригинальнаго „бальмонтовскаго“ стиха. Въ особенности хороши переводы стихотвореній Шелли, Эдгара, Поэ и Уайльда. Это—настоящіе перлы художественной изящной литературы, почти совершенные по своей законченности и тончайшей филигранной чеканкѣ стиха...

Читателямъ нашего журнала К. Д. Бальмонтъ хорошо извѣстенъ, какъ поэтъ и переводчикъ. На страницахъ „Нивы“ въ разное время появлялись и продолжаютъ появляться его многочисленныя произведенія.

Типичная изящная фигурка „Парижанки“ А. Брюилле переноситъ насъ на бульвары и площади „мірового города“, въ которомъ такъ часто встрѣчается этотъ очаровательный, капризно-изящный и хрупкій женскій типъ.

Китайская республика.

(Политическое обозрѣніе).

(Съ рис. на этой стр.).

Китайская революція восторжествовала, и тысячелѣтняя имперія превратилась въ величайшую изъ республикъ міра. Въ сущности, судьбу имперіи рѣшилъ первый ея сановникъ, ставшій первымъ же президентомъ республики—генералъ Юаньшикай. Какъ самый выдающийся государственный дѣятель, Юаньшикай несомнѣнно имѣетъ всѣ права занять высокій постъ главы новаго правительства. Обыкновенно при побѣдѣ революціи первые слуги стараго режима идутъ на казнь, Юаньшикай же вмѣсто эшафота вззошелъ на президентское кресло. Юаньшикаю нельзя отказать въ изумительной ловкости и въ удивительномъ дипломатическомъ

Къ провозглашенію республики въ Китаѣ. Первое засѣданіе китайскихъ республиканцевъ въ Шанхаѣ.

Къ рисункамъ.

„Дикіе кабаны“ Г. Реттига — интересный и художественный жанръ изъ міра животныхъ. Художнику удалось подмѣтить дикихъ свиней въ ихъ привычной житейской обстановкѣ, и оттого ихъ фигуры вышли такъ жизненны и полны движенія. Полонъ своеобразнаго настроенія и зимній пейзажъ, на фонѣ котораго изображенъ этотъ мірокъ дикихъ и свирѣпыхъ животныхъ.

Рядъ рисунковъ, воспроизводимыхъ нами далѣе, знакомитъ нашихъ читателей съ послѣдней конкурсной выставкой въ Академіи Художествъ. По обыкновенію, среди картинъ конкурировавшихъ молодыхъ художниковъ встрѣчаемъ и историческій жанръ, и пейзажъ, и жанръ современный, и библейскія темы. „Царское строительство“ П. Добрынина воскрешаетъ одинъ изъ величавыхъ моментовъ русской старины: роспись храма въ присутствіи московскаго царя въ XVII вѣкѣ. Библейская исторія трактована въ картинахъ К. Линблата („Самсонъ“), Д. Фодотова („Самсонъ и Далила“) и П. Наумова („Ревекка и Елеазаръ“). Изъ бытовыхъ современныхъ сюжетовъ на выставкѣ обращали на себя вниманіе картины: „Въ Бессарабіи“ П. Шиллинговскаго, „Изъ жизни Востока“ Д. Шарпова и цвѣтной офортъ Н. Бутлера „За роилемъ“. Картина Н. Сергѣева „Льто“, изображающая купальщицу на озерѣ, производитъ впечатлѣніе свѣтлаго и воздушнаго пейзажа. Къ чисто же пейзажной области относится картина А. Королева „Тихо на озерѣ“,—красивый пейзажъ, проникнутый грустнымъ настроеніемъ одиночества и холода...

Изящны и полны движенія и настроенія скульптурныя группы М. Блоха „Охота“ и Ф. Могилевскаго „Эскизъ“.

талантъ, но его трудно упрекнуть въ излишней прямолинейности. Онъ доставилъ своей двойною игрой почти безкровное торжество революціи и возродилъ умирающую страну къ новой жизни. Съ того момента, какъ ему удалось сосредоточить въ столицѣ подъ видомъ защиты Пекина отъ наступающихъ революціонеровъ преданные дѣлу національнаго возрожденія армейскіе полки и обезоружить гвардію, безкровная ликвидація имперіи была уже предрѣшена. Китай возрожденный и объединенный, Китай, руководимый Юаньшикаемъ, сумѣвшимъ въ качествѣ манчжурскаго вице-короля организовать военную силу на европейскій ладъ, и вдохновленный агрессивными замыслами, представляетъ страшную угрозу для всей бѣлой расы. Та же самая Америка, которая первая торопится признать новорожденную Желтую республику, — какъ сумѣетъ она совмѣстить съ политическимъ обновленіемъ Китая свои ограничительные законы относительно желтой эмиграціи? При быстромъ политическомъ, военномъ и національномъ возрожденіи обоихъ желтыхъ народовъ дальнѣйшее сохраненіе запрета желтой эмиграціи становится почти немислимымъ, а полная свобода ея грозитъ почти-что неминуемымъ мирнымъ экономическимъ завоеваніемъ всего американскаго материка безконечно плодотворно, въ высшей степени трудолюбивою и способною жить и размножаться при самыхъ скверныхъ экономическихъ условіяхъ желтой расой. Для Россіи же и Западной Европы желтая опасность становится реальною угрозою только съ настоящаго момента, когда пробужденное революціей національное самосознаніе китайцевъ нашло своего вожда въ лицѣ гениальнаго дипломата, выдающагося правителя, пламеннаго націоналиста и страстнаго патріота Юаньшикай.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Мундиръ. Разсказъ Ивана Странника.—Стихотвореніе В. Николічъ.—Смерть и похороны Пушкина. Статья Н. Лернера.—Аскалонъ. Изъ книги „Солнце Жизни“ А. М. Фодорова.—Мозаичность. Очеркъ И. Лазаревскаго.—Ископаемыя животныя.—Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.—В. А. Мазуркевичъ.—К. Д. Бальмонтъ.—Къ рисункамъ.—Китайская республика (Политическое обозрѣніе).—Объявленія. РИСУНКИ: Дикіе кабаны.—Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ (11 рисунковъ и 5 портр.).—Парижанка.—Ископаемыя животныя (9 рисунковъ).—Фельдмаршалъ графъ Д. А. Милютинъ на смертномъ одрѣ.—В. А. Мазуркевичъ.—К. Д. Бальмонтъ.—Къ провозглашенію республики въ Китаѣ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 2.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

ЛЮБИ-

мое мыло всѣхъ дамъ — единственно — действительное

МЫЛО „КОНЕКЪ“

изъ молока лалин, БЕРГМАНА и КО., РАДЕБЕЙЛЬ-ДРЕЗДЕНЪ, такъ какъ отъ его употребленія получается нѣжное, чистое лицо, розоватый, юношески-свѣжій видъ, мягкая, какъ бархатъ, кожа и ослѣпительно-прекрасный цвѣтъ лица.
Цѣна 50 коп. за кусокъ можно получить всездѣ.
Требуйте только красную упаковку.
Главный складъ для Россійской Имперіи
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ, С.-Петербургъ, Малая Конюшенная № 10.

ТОРГОВО-ФАБРИЧНОЕ Т-ВО
И. ВИНУКОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ.
ГРАММОФОННЫЯ ДВУХЪ СТОРОННІЯ

пластинки, „ГРАНДЪ“ 10 дюйм.
Оригиналы (не копировка) лучш. фабр.
ТОЛЬКО 15 КОПѢЕКЪ ПО ЗА ПІЕСУ

КАТАЛОГЪ ПЛАСТИНОКЪ
БЕЗПЛАТНО
Фабр. складъ граммофоновъ и пластинокъ
С.П.Бургъ, САДОВАЯ, 29 и 35.

„КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ“. **КУРСЫ**
ЗАОЧНЫЕ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ
БУХГАЛТЕРІИ и КОММЕРЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.
ПРОГРАММА. Счетоводство (двойная итальянская бухгалтерія). Коммерч. арифмет., коммерч. географія, коммерч. право, корресп., товаровѣдѣніе и стенографія. Аттестатъ бухгалтера. Разсрочка платы. Проспектъ бесплатно. Адресъ: Редакція „Коммерческой Энциклопедіи“, С.ПБ., 8 линія, 23—Р.

оллекц. ходк. загран. игрушекъ-новинокъ вы-
сыл. нат. плат. отъ 3 до 15 р. и ОПТО-
ВЫЙ каталог. Одесса. Почт. ящикъ 202.

М. ФАНЬ ВАВЕРЕНЬ И С-ВЬЯ

Сѣмена, клубни и луковицы
огородныхъ и садовыхъ растеній **собственнаго вывода.**
Новый богато-иллюстрированный каталогъ выс. бесплатно.
АДРЕСЪ: 36304 4-1
СПБ. Отд. Акц. Общ.
М. фань ВАВЕРЕНЬ и С-вья,
Загородный пр., 31.

Сиролинъ „Рошъ“

НАИЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ПРИ ВСѢХЪ ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ ОРГАНОВЪ ОСОБЕННО ПРИ КАШЛѢ, КОКЛЮШѢ, АСТМѢ и послѣ ВОСПАЛЕНІЯ ЛЕГКИХЪ

ПРИ БРОНХІАЛЬНОМЪ И ЛЕГОЧНОМЪ КАТАРРѢ СИРОЛИНЪ РОШЪ“ ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ОТЪ ЗАБОЛѢВАНІЯ **ТУБЕРКУЛЕЗОМЪ**

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ И АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

SIROLIN
F. Hoffmann-La Roche
в БАЗЕЛІИ
ШВЕЙЦАРІИ

ДѢЙСТВІЕ ВАННЫ И УМЫВАНІЯ ОСОБЕННО ПОВЫШАЕТСЯ

прибавленіемъ къ водѣ нѣсколькихъ капель о-де-колона съ сине-золотистымъ ярлыкомъ. — обладаетъ чрезвычайно оживительнымъ и освѣжительнымъ дѣйствіемъ на лицо и кожу. — придаетъ тѣлу особенную эластичность и гибкость.

Слѣдуетъ употребить одно исключительное о-де-колонъ съ сине-золотистымъ ярлыкомъ, ибо даетъ полную гарантию за действительную чистоту о-де-колона, свободного отъ всякихъ вредныхъ веществъ.

Цѣна флакона 60 коп., 1 руб., 1 руб. 50 коп.

№ 4711. Eau de Cologne

МУЖЧИНЫ, ВОТЪ ПРИМѢРЪ ДЛЯ ВАСЪ!

Всегда болѣе сильный торжествуетъ побѣду не только въ борьбѣ, но и въ жизни. Человѣкъ сильный, здоровый, не знаетъ неудачъ, передъ нимъ открытъ весь міръ, и лишь немного кажется ему невозможнымъ. Но зачѣмъ болѣть, страдать и быть слабымъ, если природа дала намъ естественное средство прѣнять свое здоровье, силу и нервы?

Если Вы страдаете **общей и половой слабостью, онанизмомъ** и его послѣдствіями, венерическими болѣзнями и послѣдств., робостью, слабою памятью, бессонницею, головными болями; если Вы нервны, раздражительны, переутомлены,

НЕ ЖДИТЕ ДНЯ — НЕ ЖДИТЕ ЧАСУ потребуйте немедленно открытой нашу книгу. Она объяснитъ Вамъ причину Вашихъ страданій и укажетъ правильный путь къ ихъ устраненію. Корреспонденція сохраняется въ секретѣ. Высылается въ закрыт. конвертѣ безъ фирмы **БЕЗПЛАТНО**. Требованіе адресовать: **Россійско-Американскому Аптекарскому Товариществу С.-Петербургъ, отд. 17.**
Почт. яш. № 356.

Салитъ для втиранія Ревматическія боли, Ломота, Прострѣль.

Въ аптекахъ и аптекарск. магаз. флак. 70 коп.

!!ХОЗЯЙКИ!!

Если хотите имѣть Ваше бѣлье въ 15 м. чисто и дешево смыто, покупайте самый лучший въ мірѣ и самый дешевый Новонаобрѣтенный Автоматическій, Патентованный, Паровой Аппаратъ „Diana“ для стирки бѣлья. Моетъ очень чисто, скоро и дешево всякое бѣлье, хотя бы самое грязное. Необходимый въ каждомъ хозяйствѣ, особенно для стирки дорогого бѣлья и завѣсей, которыхъ не портить. Аппар. „Diana“ сдѣланъ только изъ толстаго цинка и красной мѣди.

Цѣна съ упаков. для малаго хозяйства 14 руб., для большого 20 руб. Прод. Фабр. Метал. Издѣлій В. КОСТЕЦКАГО въ Островѣ, Ломжинской губ.

Желающимъ каталоги высылаемъ бесплатно.

80336

Злоупотребленіе спиртными напитками, возбуждающая, прыная пища, вызываютъ приливъ крови къ печени, желчные припадки, послѣдствіемъ чего является запоръ.

Запоръ излѣчивается

„СКАВУЛИНОМЪ“

слабительнымъ въ формѣ конфетъ безъ запаха и вкуса.

„СКАВУЛИНЪ“ не раздражаетъ, не возбуждаетъ, не внушаетъ отвращенія.

Продается: Штоль и Шмидтъ, ул. Гоголя, 11 и въ фармацевтическомъ Обществѣ, Казанская ул., 12.

Цѣна за коробку — 1 руб.

ВСЯКАЯ ДАМА

можетъ имѣть

ИДЕАЛЬНЫЙ БЮСТЪ.

Если Вы желаете познакомиться съ нашимъ замѣчательнымъ средствомъ и узнать всѣ подробности объ немъ, то потребуйте нашу красиво иллюстрированную книжку „БЕЛЛА - ФОРМА“, прилагаю 14 коп. марками на почтов. расходы и мы Вамъ вышлемъ такую

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Адресовать: С.-Петербургъ, Гл. почтамтъ, почт. ящикъ 105. Литр. Н. 8.

БЕЛЛА-ФОРМА и К^о.

Книги покупаетъ Классики, остатк. изданій, приложения къ разн. журн. Цѣльныя библиот., старые учебники и друг. книги по самой высокой цѣнѣ. Письменно: 2-я Рождественская, д. 21, кв. 48, Ивановъ. 30329

„PILULES MARBOR“

(ПИЛЮЛИ МАРБОРЪ)

Эти пилюли благотворно отражаются на здоровьѣ, они не имѣютъ себѣ соперниковъ для развитія, укрѣпленія, придавая соразмѣрность, граціозную полноту, въ то же время не утоляя талии.

Флаконъ съ наставлен. 3 р. 50 к. фран.

„PILULES MARBOR“
5, Passage Verdeau, 5,
Paris. 35689

Депозитъ въ С.-Петербургѣ, Аптека В. Бюлеръ, 49, Невский пр., въ Москвѣ — аптека Брунсъ, Маросейка; въ Кіевѣ, аптека Юротать; Тифлисъ. — Парфюм. магаз. I. Б. Сегаль; въ Вильнѣ и Одессѣ, Гаванная, 9.

ПАРФЮМЕРІЯ

ЦВѢТЫ ВИШНИ PREMIÈRES CERISES

ТОВАРИЩ. „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ.“

АНТИСЕПТИЧЕСКІЯ PASTILLES VALDA (Лепешки Вальда)

обладаютъ НЕОЦѢНИМЫМЪ ДѢЙСТВИЕМЪ

для

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ или ИЗЛЕЧЕНІЯ

простуды, болѣзней горла, свѣжихъ или застарѣлыхъ ларингитовъ, острыхъ или хроническихъ бронхитовъ, насморка, гриппа, инфлуенцы, эмфиземы и т. п.

НО ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ

ТРЕБУЙТЕ

во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ

НЕПРЕМѢННО

НАСТОЯЩІЯ ЛЕПЕШКИ ВАЛЬДА

(PASTILLES VALDA)

въ коробкахъ
съ красной бандеролью,

снабженныхъ
именемъ

VALDA

ЛЪЧЕНИЕ РЕВМАТИЗМА.

Всякій, кто говорит о ревматизмѣ, можетъ быть заранѣе увѣренъ, что у него будетъ аудитория и что онъ ее заинтересуетъ. Это—тема, никогда и нигдѣ не теряющая своего всеобщаго интереса.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, безъ различія пола, возраста и образа жизни, не имѣлъ болѣе или менѣе сильнаго ревматическаго припадка? Если отнести къ этому слову, какъ того требуетъ этиология, всѣ многочисленные и разнообразныя проявленія ревматическаго діатеза—подагру, песокъ, желчнокаменную болѣзнь, хроническую мигрень, „боли“ вообще, артерioskлерозъ, нѣкоторыя кожныя болѣзни и болѣзни волосъ, нѣкоторыя пораженія глазъ,—то придется сказать, что вопросъ касается, прямо или косвенно, трехъ четвертей человѣческаго рода.

Это позволяетъ мнѣ снова затронуть предметъ, который не можетъ еще быть здѣсь исчерпанъ, и сообщить ревматикамъ, что терапия можетъ представить въ ихъ распоряженіе специфическое средство, безусловно превосходящее все, что до сихъ поръ примѣнялось, славилось и даже вызывало восхищеніе.

Это средство, которое уже стало популярнымъ наравнѣ съ антипириномъ и іодистымъ калиемъ, есть Уродональ Chatelain (Шателэна).

Уродональ не только удостоился чести быть представленнымъ въ Медицинской Академіи (10-го ноября 1908 г.) и въ Академіи Наукъ (14-го дек. 1908 г.) профессорами медицинскаго факультета, но уже съ триумфомъ вошелъ въ повседневную практику, гдѣ онъ быстро заслужилъ благословеніе больныхъ и похвалы врачей.

Если бы мнѣ пришлось воспроизвести здѣсь всѣ многочисленные аттестаціи практикантовъ, которыя, испытавъ Уродональ Шателэна, считали своимъ долгомъ воздать честь этому средству, на это ушло бы, по крайней мѣрѣ, половина этого журнала. Поэтому я ограничусь резюмированиемъ послѣдняго изъ этихъ документовъ, только-что появившагося въ „Journal des Practiciens“ за подписью одного опытнаго интерна.

„Мы испробовали за послѣдніе мѣсяцы,—пишетъ авторъ:—новое средство Уродональ Chatelain (Шателэна), дающее поистинѣ замѣчательные результаты. Мы ни разу не прибѣгали къ нему напрасно и каждый разъ получали излѣченіе нашихъ больныхъ. У артритиковъ, принимавшихъ Уродональ по нашему совѣту каждый мѣсяць, ежедневно въ теченіе 10-ти дней, въ дозѣ 3—4 кофейныхъ ложечекъ въ день, не было болѣе приступовъ: ревматизма у однихъ, коліки у другихъ, мигрени у третьихъ. Этотъ періодическій мочевоы дренажъ ставитъ, такимъ образомъ, больныхъ въ благоприятное положеніе по отношенію къ рецидивамъ. Такой результатъ является крайне интереснымъ, дающимъ въ руки врача очень серьезное оружіе“.

Кромѣ того, авторъ приводитъ нѣсколько убѣдительныхъ наблюденій, которыя я не могу не цитировать здѣсь:

К..., отставной генералъ, 66 л., каждый годъ страдаетъ приступами подагры. Послѣдній очень сильный приступъ былъ излѣченъ вышеописаннымъ способомъ большими дозами Уродонала Шателэна. Теперь больной не имѣетъ больше никакихъ приступовъ и приписываетъ этотъ пріятный сюрпризъ тому, что ежемѣсячно принимаетъ Уродональ Шателэна.

М-мъ В..., тридцати семи лѣтъ, страдала съ шестилѣтняго возраста сѣдалищной невралгіей, не поддававшейся никакому лѣченію. Уро-

дональ оказалъ дѣйствіе въ три недѣли. Вотъ уже 6 мѣсяцевъ пациентка не чувствуетъ никакой боли.

Д..., 29 л., парикмахерскій подмастерье, болѣлъ острымъ ревматизмомъ и, несмотря на анкилозированные и болѣзненные суставы, вполне залѣчился въ 9 дней Уродоналомъ Шателэна.

На самомъ дѣлѣ, это благодѣтельное дѣйствіе не заключается въ себѣ ничего чудеснаго и легко объясняется, если принять во вниманіе:

1) что артритизмъ во всѣхъ своихъ формахъ совпадаетъ съ урицэмией въ томъ смыслѣ, что при немъ всегда имѣется увеличеніе кровяного яда, называемаго мочевоы кислотой;

2) Уродональ Шателэна, по своему химическому составу (лизинъ, хинная соль пиперазина (сидональ), уротропинъ), долженъ быть наиболѣе энергичнымъ растворителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивающимъ образованіе мочевоы кислоты, въ 35 разъ болѣе сильнымъ, чѣмъ соли литія.

Это изложеніе было бы неполнымъ, если бы я не упомянулъ, что Уродональ, кромѣ того, лишенъ всякаго вреднаго дѣйствія на сердце, мозгъ, артеріи, почки и желудокъ.

„Анализы мочи,—читаемъ мы въ „Journal des Practiciens“,—которыя мы продѣлали при многихъ приступахъ, съ другой стороны, убѣдили насъ, что Уродональ Шателэна вызывалъ настоящий потокъ мочевоы кислоты. Это весьма важно. Недостаточно растворить мочевоы кислоту, нужно также способствовать ея выдѣленію“.

Это убѣдительно заявленіе получено нами отъ всѣхъ практикантовъ, употреблявшихъ это средство (д-ръ Solo-Lebovici, д-ръ Bougeille, д-ръ Joubert, проф. Maturi и др.). Всѣ признаютъ поразительное дѣйствіе Уродонала Шателэна, который поистинѣ является для ревматизма „тѣмъ, чѣмъ является хининъ для болотной лихорадки“. Изъ ихъ работъ видно, что полный курсъ лѣченія Уродоналомъ Шателэна (3 флакона) окончательно освобождаетъ наиболѣе нагруженный организмъ отъ мочевоы кислоты и избавляетъ совершенно отъ рецидивовъ.

Терапія, такимъ образомъ, обогатилась средствомъ высшаго порядка, очень дѣйствительнымъ, совершенно безопаснымъ и обладающимъ постояннымъ и надежнымъ дѣйствіемъ, какъ это и говорить сенсационное сообщеніе въ Парижской Медицинской Академіи о „лѣченіи урицэміи Уродоналомъ Шателэна“.

Этимъ объясняется, что жюри франко-английской выставки присудило золотую медаль Уродоналу Шателэна, а выставки въ Нанси и Кито—двѣ главныя награды, что иностранныя правительства разрешили ввозъ этого средства, равно цѣннаго въ ихъ странахъ, и что Морской Министръ допустилъ Уродональ, послѣ отзыва высшаго санитарнаго совѣта и заключительныхъ опытовъ, въ морскіе госпитали. Еще одна болѣзнь исчезнетъ.

Д-ръ ДОРІАНЪ.

Уродональ Шателэна продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Выдающийся успѣхъ Уродонала Шателэна вызвалъ многочисленныя подражанія, не имѣющія цѣнности.

31344

ТРЕБУЙТЕ УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЭНА.

Матери! Обращайте вниманіе на сгорбленность вашихъ дѣтей!

„Конкордія“ преслѣдуетъ принципъ: Грудь впередъ, плечи назадъ! Благодаря особой ея конструкціи исправляется впадность груди, расширяется грудная клетка и получается стройная фигура.

„Конкордія“ новое изобр. англійск. профессора, который рекомендуетъ дѣтямъ школьнаго возраста и всѣмъ ведущимъ сидячій образъ жизни. Замѣняетъ одновременно бюрокдержатели. Высылаю съ наложеннымъ платежомъ по почтѣ, за 3 р. 50 к. шт., 3 шт. 8 р. 50 к., при заказѣ указать объемъ въ груди. Адресовать: Главн. Представ. А. ЖИВУ, Лодзь, Н., почт. ящ № 327.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ПАРИЖЬ 1900 Г.

VELOUTINE Ch. FAÛ

ЗНАМИТѢЙШАЯ РИСОВАЯ ПУДРА

Корбви пудры ВЕЛУТИНЪ немѣющія пльбимъ Русской Таможни, должны считаться поддѣльными.

ТРЕВОСХОДНЫЕ ДУХИ LA DUCAZON

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА КОСТА

въ видѣ бѣлоснѣжнаго душистаго крема. Ц. 75 к.

тысячи лестныхъ отзыовъ и благодарностей. Главн. скл. Борель, СПб., Мойка, 56, кв. 54.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

М. В. КУКУЕВА С-ВЪЯ.

Москва, Никольская, д. № 3. Отл. 1.

Фабричный складъ музыкальныхъ инструментовъ, Граммофоновъ, Патефоновъ открылъ продажу въ розницу, по оптовымъ цѣнамъ.

- Скрипки отъ 1 р. 75 коп. до 75 руб.
- Гитары отъ 3 р. до 50 руб.
- Балалайки отъ 1 р. 10 коп. до 25 руб.
- Мандолины отъ 3 р. 50 коп. до 50 руб.
- Вѣнскія гармоніи отъ 4 р. 25 к. до 35 руб.
- Граммофоны съ рупорами отъ 7 р. до 125 р.
- Граммофоны безъ рупоровъ (шкатулкой) отъ 18 р. до 55 р.
- Граммофоны безъ рупор. (въ видѣ стильной колонки) отъ 125 руб.—400 руб.
- Пластинки 2-хъ сторон. (только первоклас. фабрикъ) 80 к., 90 к., 1 р., 1 р. 60 к. и до 10 р.

КРАТКІЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПОЛНЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ И СПИСКИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ЗА ОДНУ 7 КОП. МАРКУ.

ПРОТИВЪ СТАРОСТИ

гематогенъ Д-ра Гоммеля

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! Требуйте настоятельно имя Д-ра Гоммеля.

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ

1 р. 50 к. в мѣсяцъ

Среднее учебное заведеніе заочно. Расходуя 1 р. 50 к. въ м-цъ, вы получаете больше расходов! Учебныхъ пособій не требуется! Великій имѣетъ возможность пройти серьезно и основательно, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей-специалистовъ и по новѣйшимъ педагогическимъ методамъ полный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, подготовиться къ любому экзамену, по разнымъ предметамъ, на званіе учителя, — дѣ городскихъ, уѣздныхъ, начальныхъ и сельск. учил., аптек. учен., вольноопредѣл. 1 и 2 разр., на клас. чинъ и т. д. Брошюра благодарств. отзыв. и листы. отзывы печати высыл. безвпл. Вышло 17 выпусковъ. Для подр. ознакомл. съ издан. „Гимн. на дому“ выписки высыл. налож. плат. по 1 р. 50 к. за каждый. При редакціи учреждено почтовое бюро, которое руководитъ занятіями и проверяетъ присылаемые учениками работы безвплотно. Проспекты и благодарственные отзывы высылаются безвплотно. Издат. Т-во „Благо“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 88-24. Нужны дѣятельныя агенты-сотрудники.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІЯ

обшест. ЗЛОЧНЫЕ самообраз. ПРОГР: 2-ая итальян. и америк. коммерч. арифметика, комм. корреспонд., комм. географ., товаровѣд., словарь комм. словъ, курсъ правописанія, каллигр., конт. скороп., исправл. почерка. АТТЕСТАТЬ БУХГАЛТЕРА. Отзывы изв. спец. благод. письма. Льготн. услов. Progr. пробн. лекц. выс. **БЕЗПЛАТНО** Книг. „Круг. Самообр.“ Спб., Невскій 92-11

CRÈME SIMON (КРЕМЪ СИМОНЪ)

CRÈME SIMON продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портится и служитъ для смягченія кожи.

Употребляется вмѣсто кольдъ-крема ПУДРА Симонъ (La Poudre Simon) и МЫЛО Кремъ Симонъ (Le Savon à la Crème Simon) того-же запаха что и Кремъ Симонъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON

59, Faubourg Saint-Martin, PARIS.

Въ розницу продаются у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.

ПРОДАНЫ МИЛЛИОНЫ БАНКЪ.

КРАСОТУ и МОЛОДОСТЬ ПРИДАЕТЪ КАЖДОЙ ЖЕНЩИНѢ

КРЕМЪ КАЗИМИ МЕТАМОРФОЗА

РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, ЗАГАРЬ, ПЯТНА, УГРИ, МОРЩИНЫ и ДР. ДЕФЕКТЫ ЛИЦА.

Сказими, Утв. Департ. Торг. и Мануф. за №4683.

ПИСЬМО ФРАНЦУЗСКАГО ГЕНЕРАЛА.

ГЕНЕРАЛЬ ВЕРДАЛЬ.

«Ла-Флешъ, 28 Апрелья 1898 г.

«Милостивый Государь, я признаю зубную пасту Дентоль совершенно исключительнымъ средствомъ, много превосходящимъ все, чѣмъ я пользовался до сихъ поръ.»

«Будьте любезны, при посылкѣ мнѣ Дентоля, присоединить также по нѣскольку пробныхъ флаконовъ эликсира и пасты, такъ какъ многіе просили меня снабдить ихъ ими.»

«Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи. Подписаль: Генераль Вердаль, Ла-Флешъ (Франція).»

Дентоль (эликсиръ, паста и порошокъ) есть средство для ухода за зубами въ высшей степени обеззараживающее и одновременно снабженное чрезвычайно пріятнымъ запахомъ и вкусомъ.

Будучи изготовленъ по способу, рекомендованному Пастеромъ, онъ уничтожаетъ во рту всѣ злокачественныя микробы, предупреждаетъ и самымъ дѣйствительнымъ образомъ излѣчиваетъ порчу зубовъ, воспаленіе десенъ и горловыя боли; въ нѣсколько дней онъ придаетъ зубамъ ослѣпительный блескъ и бѣлизну и уничтожаетъ зубной камень.

Послѣ его употребленія во рту надолго сохраняется ощущение пріятнѣйшей свѣжести. Его обеззараживающее отъ микробовъ дѣйствіе удерживается во рту **не менѣе 24 часовъ.**

Дентоль, положенный въ зубъ на кусочкѣ ваты, моментально останавливаетъ самую сильнѣйшую зубную боль.

Дентоль находится въ продажѣ во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ: Торговый Домъ Фреръ, 19, улица Жакобъ, Парижъ.

С.-Петербургъ: Апт. маг. В. Бюлеръ, Кузнецкнй пер., 1—2. Штоль и Шмидтъ, Руск. Общ. Торг. Аптек. товарами, Каванская, 12. Б. Шаскольскій, центр. ант. депо, Невскій, 27. Аптек. маг. А. И. Абрамсонъ, Невскій, 101. Аптек. маг. Чекушкинъ и К°, Садовая ул., 38. Апт. маг. Е. Пузина, Петерб. Общ. склада аптек. тов., Екатер. пр., 47. Г. Пузинъ, ант. склада, Литейный пр., 21.

Гуныди Янось

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА

НАИЛУЧШЕЕ СЛАБИТЕЛЬНОЕ

Просить обратить внимание на фирму САКСЛЕНЕРЪ на канцонъ этикеткѣ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ, ПРИЯТНОЕ, ВѢРНОЕ ДѢЙСТВІЕ. ОТЛИЧНОЕ СРЕДСТВО

ПРИ ПРИВЫЧНОМЪ И СЛУЧАЙНОМЪ ЗАПОРѢ,

ПРИЛИВѢ КРОВИ, — ОЖИРѢНІИ РАЗСТРОЙСТВАХЪ ПИЩЕВАРЕНІЯ, БОЛѢЗНЯХЪ ПЕЧЕНИ и Т. П.

Пятидесятилѣтняя прантина доказала превосходство воды Гуныди Янось надъ всеми другими средствами этого рода. Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ всего міра.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ ФАБРИКА ВОЛОСЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ И ДАМСКАЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ

П. Д. ГОРБАТОВЪ ПОДЪ ФИРМОЙ „ПОЛЬ“

Grand Prix: Брюссель 1907 Берлинъ 1907 Мадридъ 1908

Самыя Изящныя Волосыныя Издѣлія въ Мирѣ

С. ПЕТЕРБУРГЪ: ПАНТЕЛЕЙМОНСКАЯ 10.

Тел. 47-19. Телегр. Петербургъ ПОЛЬ.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО Иллюстрированный КАТАЛОГЪ.

ГРЫЖА

и болѣзни брюшныхъ органовъ.

Какъ известно, грыжа есть одна изъ самыхъ распространенныхъ, тяжелыхъ и опасныхъ страданій, встречающихся у человека. Она не только ставитъ того, кого поражаетъ, въ состояние физической слабости; она вызываетъ частыя, болѣзненные и тяжелыя разстройства всего здоровья, особенно пищеварительной функціи.

Наконецъ она разстраиваетъ все его существованіе, держа подъ вѣчнымъ страхомъ „ущемленія“, роковыя послѣдствія котораго устраиваются при помощи исключительно хирургическаго вмѣшательства, не всегда возможнаго и рискованнаго.

Тщетно больные прибѣгаютъ къ обыкновеннымъ поддерживающимъ аппаратамъ, которые, не облегчая страданій, не даютъ даже ни малѣйшей безопасности. Чаще всего бандажъ плохъ, лежитъ неправильно и очень рѣдко поддерживаніе производится съ достаточной точностью, прикладываніе съ необходимой опытностью.

Изъ всѣхъ существующихъ методовъ леченія только новый непромокаемый аппаратъ А. Клавери безъ пружинъ, патентъ С. Г. Д. Г., доведенный до полнаго совершенства новѣйшими улучшениями, даетъ, кромѣ доказательства своей всемірной

известности, практическую гарантію своего неоспоримаго дѣйствія.

Только онъ устроенъ на строго научныхъ основаніяхъ, по послѣднимъ требованіямъ науки и гигиены. Только онъ назначается ежедневно во Франціи болѣе чѣмъ 3000 врачей.

Легкій, гибкій, незамѣтный, легко одѣваемый и носимый повсюду, онъ приготавливается специально для каждаго лица, сообразно фигурѣ и роду страданія; кромѣ того, его безъ всякаго неудобства носить даже самыя чувствительныя больныя. При надобности онъ даетъ неограниченную силу нажима и вполнѣ исправляетъ самыя застарѣлыя и объемистыя грыжевыя опухоли, считавшіяся до того неизлѣчимыми и неподдававшимися никакому скатию.

Новый аппаратъ безъ пружинъ А. Клавери рекомендуется всѣмъ безъ различія пола, возраста и профессіи. Всѣмъ работникамъ и ведущимъ сидячей образъ жизни, женщинамъ, дѣтямъ и старикамъ онъ доставляетъ полное благополучіе, непосредственное и рациональное облегченіе; онъ позволяетъ безъ страха заниматься самыми трудными работами и самыми сильными видами спорта.

Примѣяемый въ арміи, морскомъ вѣ-

домствѣ, гражданскихъ и военныхъ госпиталѣхъ, рабочихъ союзахъ и т. п., новый аппаратъ безъ пружинъ А. Клавери, дѣйствительность котораго засвидѣствована 30-лѣтнимъ успѣхомъ, носился во всѣхъ странахъ свѣта болѣе чѣмъ миллиономъ больныхъ, которые нашли въ немъ избавленіе отъ грыжи и которымъ онъ далъ благополучіе и радость жизни.

Ихъ благодарность выражена въ массѣ аттестаций, приходившихъ ежедневно по адресу знаменитаго спеціалиста, которому они обязаны своимъ избавленіемъ отъ этого тяжелаго страданія.

А. Клавери старается въ теченіе многихъ лѣтъ устно и письменно побудить тѣхъ, кто доврится ему, воспользоваться его добрымъ совѣтомъ и высокой профессиональной опытностью.

При содѣйствіи дамъ-спеціалистокъ применяются патентованные аппараты больнымъ женщинамъ, страдающимъ грыжей и болѣзнями брюшныхъ органовъ. (Опухленія живота, болѣзни желудка и кишечника, энтеритъ, блуждающая почка, искривленія и опущенія матки, и т. д.)

Исключительныя преимущества новаго аппарата А. Клавери безъ пружинъ описаны въ 30-мъ изданіи его книги „Лѣченіе грыжи“ съ многочисленными иллю-

страціями, содержащей, кромѣ изложенія этого прекраснаго открытія, очень интересное описаніе всѣхъ видовъ грыжи вообще и въ частности необходимыхъ свѣдѣній для больныхъ, страдающихъ грыжей.

Всѣмъ страдающимъ грыжей, разрывами, опущеніями живота и тому подобными болѣзнями интересно прочесть внимательно эту легко понятную и замѣчательную книгу.

Въ цѣляхъ распространенія эта книга будетъ разослана за 2 семикопеечныя марки всѣмъ, которые обратятся за ней къ А. Клавери, въ его Россійское Отдѣленіе въ г. Москвѣ, на Петровскій, домъ № 8, Отд. П. 440.

Они узнаютъ изъ нея объ истинныхъ несчастіяхъ, къ которымъ приводитъ эта болѣзнь, если ей позволяютъ развиваться или если обращаются къ первому встрѣчному за помощью.

Они увидятъ, съ другой стороны, что, захвативъ болѣзнь во-время при помощи мѣръ, изложенныхъ въ книгѣ А. Клавери, не только легко устранить опасность, но даже окончательно избавиться отъ этого злого страданія и возстановить на будущее цѣлостъ своего здоровья и своихъ силъ.

ЗАЧѢМЪ ПЛАТИТЬ ЛИШНІЯ ДЕНЬГИ,

когда можно купить по заводской цѣнѣ настоящіе английскіе велосипеды завода HOBART въ Coventry, Anglia. Прейсъ-курранты высылаются бесплатно. Генеральное представительство для всей Россіи и Сибири

Э. Люисъ,
МОСКВА, Рождественскій бульваръ, № 9.

Намогильные кресты, памятники, час-ленки, ангелы, надписи и рѣшетки. Иллюстр. каталогъ высылаю по полученіи 10 коп. почтов. марками. г. Слонимъ, Гроднен. губ. Антонъ Рудзинскій. 4. Тамъ же молотилки, вѣлки, соломорѣзки и пр. Прейсъ-куррантъ бесплатно.

ВЕРХНЯЯ ЮБКА

за 1 руб. 75 коп. Лучш. сорта 2 р. 25 к. Готов. дамск. верхн. юбка изъ красив. и прочн. трико, спит. по посл. модѣ, отд. пугов. и шелк. шнурк. во всѣхъ цвѣт. высыл. почтой налож. платеж. безъ задатка, за перес. присчит. 55 коп., въ Сибирь 95 коп. Указать длину и объемъ пояса. При требов. 3-хъ юбокъ и болѣе перес. за счетъ фирмы. Не поправ. возвращ. деньги сполна. Адресов.: ЛОДЗЬ, фабр. Лодзинскій Экспортъ. С. 17.

ПНЕВМАТИЧЕСКОЙ СКЛЕПКИ БОЧКИ

железныя, луженныя, оцинкованныя, для всевозможныхъ жидкостей, съ гарантіей за прочность цѣны виѣ конкурренціи. Перепродавцамъ скидка. Изготов. заводъ А. ДАНГАУЕРЪ, Москва, Благуша, Николаевская ул., соб. домъ. Городской конторы не имѣю. — Прейсъ-курранты бесплатно.

ХОЛОДНЫЙ СВѢТ!

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ОТКРЫТІЕ ВЪ МІРѢ!
„РАДИОСЪ“, самосвѣтящаяся лампочка безъ проводовъ, безъ элементовъ и безъ всякихъ расходовъ по содержанію. — Зарядкается автоматически свѣтовой энергіей будучи выставлена в течение нѣск. часовъ вліянію дневнаго свѣта. — Зарядъ хватаетъ на всю ночь. Аппаратъ дѣйствуетъ годами безъ всякой замяны и затратъ. — Цѣна 2 р. 85 к. — Высылаются нал. плат. безъ задат. — За пересылку и упак. в ящикъ присчит. 55 к., в Сиб. 95 к. — При заказѣ сразу 2-хъ штукъ перес. за счетъ фирмы. Техн. конт. „ГЕЛИОСЪ“, МОСКВА, В. Дмитровка, 15/1.

Требуйте всюду ПАПИРОСЫ

въ портъ-сигарахъ 25 шт. — 15 к. Картонажн. Фабр. „ПРОГРЕССЪ“, СПБ., Вас. Остр., Средн. пр., № 72.

Самая гигиеническая и удобная упаковка. Въ большія Таб. Фабр. имѣютъ таковыя вѣ продажѣ.

СПБ., Морская, 23. А. СКРОНЪ. КРАСКИ ДЕПО дерев. вещей и аппаратовъ для выжиганія, терракота, принадлежи. для художниковъ и для раб. боты гвоздями.

Добрые люди! Вслѣдствіе пожаровъ мы обдѣли, и не можемъ ремонтировать нашъ храмъ во имя Св. Стефана и замѣнить разбитый колоколь. Ради Христа помогите. „Милудый нища въ заемъ даетъ Богу и рука дающая не осудитъ“. Бѣдные Торчинскіе прихожане. Адресъ: Торчинъ, Волын. губ. Причту или церк. старостѣ.

Таинственные силы въ любви

Вы не будете имѣть отказа и неудачъ со стороны тѣхъ, кто смѣлся надъ Вашей любовью, безъ всяк. для Васъ труда сумѣете покорить сердце тѣхъ, о комъ не смѣли и думать, сердце чужое будетъ паход. въ рукахъ Вашихъ. Эта замѣчат. книга для лицъ обоого пола, откр. тайну овладѣв. сердцемъ любимаго существа. Каждый — ал смогутъ „Заставить себя полюбить“. Цѣна книги съ пер. и нал. пл. 1 р. 50 к. СПбургъ, Новая Дер., Лебедева, 3—Д., кв. 3. В. Фрасетти. закл 2-2

Съ октября выходитъ ежемѣсячный журналъ „ВНОЕЗДА“.

Больнымъ, бѣднымъ, несчастнымъ, неудачникамъ и старикамъ. Безплатныя приложенія: „На каждый день“ и „Ежедневный Собесѣдникъ“. Цѣна до конца 1912 года (15 книжекъ) 3 руб. съ пересылкой. Редакція: Москва, бл. Храма Спасителя, д. Ковригина, кв. 37. „Вноездъ“.

Вниманію всѣхъ гг. ОХОТНИКОВЪ!

Требуйте отвѣтъ отъ оружейнаго завода **И. НОВОТНЫЙ** въ ПРАГѢ чешской (Австрія) на замѣтки журнала „Охотничій Вѣстникъ“.

ВЕЛОСИПЕДЫ и МОТОЦИКЛЫ „ВАТТЪ“.

Въ настоящемъ сезонѣ нами выпущены новыя модели, на которыя обращаемъ вниманіе гг. любителей и спортсменов. Особенное вниманіе обращаемъ на нашу мотоциклетку „Мотоваттъ № 215“ въ 1 1/2 лощ. силъ цѣной въ 295 руб. съ пересылкой и уплоч. пошлиной. Съ требованіями обратиться къ лучшимъ велосипеднымъ фирмамъ, гдѣ такихъ нѣтъ — къ намъ по адресу:

О-во Германскій Экспортъ и Импортъ BERLIN 68, Ritterstrasse 50, соб. домъ. Deutscher Export und Import G. m. b. H. BERLIN 68, Ritterstrasse 50, e H. Каталоги на русскомъ языкѣ высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

МОСКВА — ПРОВИНЦІЯ. Всѣ получаемыя нами заказы исполняются въ собствен. мастерскихъ строго согласно указаннымъ въ письмахъ размѣровъ. Благодаря кройкѣ лучшихъ спеціальныхъ (премированныхъ) закройщицъ, наши дамскіе наряды сидятъ на фигурѣ идеально, съ особымъ чисто парижскимъ шикомъ и изяществомъ, которыхъ не всегда достигаютъ Ваши мѣстные портнихи.

№ 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. Послѣдн. элегантн. модели 1912 г.

ВЕРХНЯЯ ЮБКА

№ 1. Элегантная гладкая юбка. № 2 и 4. Богато отдѣланная модной шелковой тесьмой, шелк. суташемъ и пуг. № 3. Низъ цѣлочно отдѣланъ велветомъ, суташ. и пугов. № 5. Нарядно отдѣл. модн. шелк. бахромой и модн. пугов. № 7. Роскошно отдѣл. шелк. тесьмой, вѣстями и лентой; остальные отдѣланы складками, аграфами, суташ. и пугов.

ВЕРХНЯЯ ЮБКА.	№№ фасоновъ:								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Изъ чисто шерстян. матеріи высшаго качества плотной прочной доброты	5 75	7 25	9 75	6 50	7 75	5 50	10 —	5 75	6 —
Изъ загранич. шелк. велвета	12 —	13 75	—	12 75	—	—	—	—	—
Изъ сукна чистой шерсти, тонкой плотной доброты	9 —	9 75	9 75	9 75	10 75	—	12 —	8 —	8 50
Изъ мягкаго шерстян. трико, въ изящную англійск. полоску, въ среднее и темно-сѣр. цвѣтахъ (сезонныхъ)	4 50	5 50	—	5 50	—	4 50	8 —	4 50	4 75

Мѣрка юбки: длина передъ отъ пояса, длина бока, зади, ширина талии и объема. Цвѣта юбокъ изъ шерст. матер.: черн., куб., таб. и сѣр.; сукна и велвета черн.

№ 10. Изящное платье „Реформа“ безъ рукавовъ, изъ чистой шерстян. матер., въ цвѣтахъ: черн., куб. и коричн., отдѣл. шелк. лент., незамѣтно для дома, службы и дороги 9 руб. То же съ рукавами 11 р. 75 к. Такой же фас. изъ шерст. трико въ темн.-сѣр. цвѣтахъ англійск. жапра, безъ рукавовъ 6 р. 50 к. То же съ рукавами 7 р. 75 к. № 11. Элегантный капоть фас. „Гейша“, изъ тонкаго бумажи. муслина, въ красив. восточн. рисункахъ, отдѣл. гладью 3 р. 90 к. То же изъ шелковистой плотной бумаж. ткани „Тонгина“, отдѣланъ шелков. сатинетомъ 5 р. 75 к. Такой же фасонъ изъ чисто-шерстян. турецкаго платкашала въ роскош. рисунокъ, съ оригинальной красив. каймой, богато отдѣл. бархатомъ 12 руб. Мѣрка для реформы и капота: длина отъ плеча до пола, объемъ бедеръ и груди. Капота и платья длины болѣе 145 см., а юбки 105 см. будутъ стоить нѣсколько дороже.

Настоящимъ ручаемся, что высылаемыя нами готовныя вещи по качеству матеріала, работы и изяществу покрою будутъ выше Вашихъ ожиданій и препрышаютъ назначенную имъ цѣну, и гарантируемъ, что если таковыя по мнѣнію заказчика не отвѣчаютъ своей стоимости, то безпрекословно принимаемъ ихъ назадъ и уплачен. деньги немедленно возвращаемъ обратно полностью. Высылаемъ наложен. платеж. безъ задатка. Магазины дамскихъ нарядовъ т. д. ПАВЕЛЪ ОБОИМОВЪ и К°. Москва, Тверская-Ямская, д. № 30—12.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Сементковскій, Р. И. СОЧИ-НЕНІЯ. Въ трехъ большихъ томахъ. Т. I. Русское общество и литература. Отъ Кантемира до Чехова.—Т. II. Русское общество и государство. Пересмотръ господствующихъ у насъ политическихъ взглядовъ.—Т. III. Русское общество и жизнь. Повѣсти и рассказы. 2008 стр. in 8°, на хорошей бумагѣ. Цѣна каждому тому — 2 р. 50 к., съ перес. — 2 р. 80 к.; въ перепл. — 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

ФОТО графическіе снимки Испанскихъ и Французскихъ красавицъ, Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gennert, Calle Padua Barcelona 20129 (Испанія). 15-6

Каждый самъ устроить станокъ для выдѣлки пустотѣлыхъ камной, вполнѣ замѣняющей дорогіе станки. Модель и описаніе 7 р. Готовые станки 25 р. безъ пересылки. СПБ., В. О., 21 л. Горн. Инст. В. И. Балнну.

БРЮКИ-РЕЙТУЗЫ за 2 р. 90 к. изъ диагон., сшит. модно, черн., син., зелен. цв. Указ. длину брюкъ и шага, объемъ пояса. Выс. почт. накл. плат., перес. 55 к.; съ формен. накл. дорожке на 50 к., въ Сибирь разн. вѣсов. Пенсирив. возвращ. деньги. Лодзь, „Артель Портныхъ“ Н.

За достоинство препаратъ награжд. 12 мед., 3 дипл. и Госуд. Герб.

„ЭКССИКАТОРЪ де РИТТЕРЪ“
Единственное самое практическое и дешовое средство для предохраненія дерева отъ сырости, древеснаго гриба и насѣкомыхъ. Адр. для писемъ: „Экссикаторъ де Риттеръ“. Варшава. Требуется брошюра. 30350
Нужны дѣятельные агенты.

Сукно дешевле

Нѣтъ лучше и практич. гладкаго (безъ всякихъ рисунковъ) шерстян. сукна, цвѣтовъ: черн., т-синій и маренго отръзъ въ 4 1/4 арш. длины и 2-хъ арш. ширины для полного мужск. костюма за 3 р. 80 к. Также изготовляются изъ этого сукна костюмы, состоящ. изъ 2-хъ бортовой тужурки съ отлож. воротничкомъ и брюки съ высокимъ поясомъ, замѣняющ. жилетъ, на хорошей подкладкѣ и прочно сшиты, за весь костюмъ 5 р. 75 к. Высылаются почтой налож. платеж., присчитывая за пересылку одного или 2-хъ предметовъ 80 к., а въ Сибирь еще 85 к. Мѣрка для костюма, длину тужурки и рукавовъ; объемъ груди, длину брюкъ и шага. За доброкачественности гарантируемъ. Если не понравится, обратно деньги возвращаемъ. Адрес.: М. А. Бабушкинъ, Лодзь, I-ое отд. Н.

НОВЫЕ АЛЬБОМЫ ТАНЦЕВЪ

вышли изъ печати для
**ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ,
БАЛАЛАЙКИ, ВЪНСКОЙ
и друг. ГАРМОНИЙ**
по нотной и цифровой системѣ.

ЛЕГЧАЙШЕСАМОУЧИТЕЛИ

съ пѣсенниками въ 200 пѣсень.
для всехъ инструментовъ.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТ. КАТАЛ. НОТЬ № 1.
СКЛАДЪ МУЗЫК. ИНСТРУМЕНТОВЪ
И. А. НОВИКОВА. Москва, Никольская.

АКАДЕМІЯ ИНЖЕНЕРОВЪ
въ **ВИСМАРЪ**
на Балтійск. морѣ.

Для инж. машиностроенія, электротехниковъ, строителей, геометровъ и архитекторовъ.—Спеціальныя лекціи по конструкціи желѣзо-бетона и технико-агрономіи. Принимаются окончивш. 6 кл. гимназій или реальн. уч. Новѣйшія лабораторіи. 10-1

Stadt Wismar. 30308

КОРДИАЛИНЪ

Головной и спинной мозгъ составляютъ центральную часть нервной системы. Нервность, нервная слабость, неврастенія, истерія происходятъ отъ заболѣванія нервныхъ стволовъ, пронизывающихъ все тѣло, и выражаетъ собой ослабленную и ненормальную дѣятельность головного и спинного мозга. Большею частью она пріобрѣтается отъ слишкомъ большого напряженія силъ, многочисленныхъ заботъ и потрясеній. Надо заботиться о подходящемъ питаніи мозга, о возстановленіи утраченнаго элемента его, — **фосфора**, безъ котораго, по выраженію знаменитаго философа Молешота, не рождаются мысли. Фосфоръ вызываетъ богатство мысли, остроту мысли, памяти; повышаетъ умственную дѣятельность, усиливаетъ энергію организма. Только усиленное употребленіе подходящаго питательнаго препарата можетъ помочь дѣлу. Такой матеріалъ, и въ самой раціональной формѣ, даетъ намъ

ДАМЫ, которыя должны беречь свое здоровье, пусть читаютъ нашу брошюру „Вкладъ въ Гигіену Брака“, составлена известн. врачами. Всѣми врачами одобрено. Наилучшее изъ нынѣ существующ. На пересыл. приложить двѣ 7-ми коп. марки. **МОСКВА, Козицкій пер., домъ Бахрушина, кв. 170. „НАССОВІА“**

МЫЛОВАРЕНІЕ

Наши всякому доступные рецепты и орудія даютъ всякому вѣрный заработокъ и самостоятельность. Подробности бесплатно. Мылов. заводъ И. Я. Марна, Либава, Курл. г.

90 рублей въ мѣсяцъ

заработка для всехъ при удобной домашней работѣ. Разстояніе не мѣшаетъ. Условія видъ высылаемъ бесплатно. (27)

Международное товарищество вязальныхъ издѣлій, Варшава, Новогродская, 9-12.

Головной и спинной мозгъ составляютъ центральную часть нервной системы. Нервность, нервная слабость, неврастенія, истерія происходятъ отъ заболѣванія нервныхъ стволовъ, пронизывающихъ все тѣло, и выражаетъ собой ослабленную и ненормальную дѣятельность головного и спинного мозга. Большею частью она пріобрѣтается отъ слишкомъ большого напряженія силъ, многочисленныхъ заботъ и потрясеній. Надо заботиться о подходящемъ питаніи мозга, о возстановленіи утраченнаго элемента его, — **фосфора**, безъ котораго, по выраженію знаменитаго философа Молешота, не рождаются мысли. Фосфоръ вызываетъ богатство мысли, остроту мысли, памяти; повышаетъ умственную дѣятельность, усиливаетъ энергію организма. Только усиленное употребленіе подходящаго питательнаго препарата можетъ помочь дѣлу. Такой матеріалъ, и въ самой раціональной формѣ, даетъ намъ

„КОРДИАЛИНЪ“

Д-ра мед. **К. ГАРТМАНА, С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 57—N. 41,** высылающаго бесплатно популярную брошюру о нервныхъ болѣзняхъ и достаточное количество **КОРДИАЛИНА** для пробнаго леченія.

КОНФЕТЫ НАФЕ (Pâte de Nafé) ДЕЛАНГРЕНЬЕ
ПРОТИВЪ
Нашля, Простуды и Бронхита

ИГНАТИЧИ.
Питомники розъ, парковыхъ, дѣсныхъ и плодовыхъ деревьевъ **В. В. ЕЛЬСКАГО.**
Почт. и телегр. адр.: „Минскъ Игнатичи Питомники“.
660 сортовъ розъ, свыше 200 новостей.
Иллюстр. каталогъ—бесплатно. 5-1

ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСКАЗАТЬ ВАМЪ ВАШУ СУДЬБУ СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Чтобы познать всю Россію съ моей дивной системой Оккультизма — „Успѣшное Развитие“ и „научное Предсказаніе Судьбы“ — я только на короткое время буду высылать даромъ опредѣленіе Вашего характера съ полными указаніями Вашихъ качествъ и недостатковъ и Вашихъ шансовъ въ будущемъ.

Въ то же самое время, я раскрою истинно дивныя скрытыя тайны системы Великаго Браминскаго Успѣха, который дастъ возможность, имѣющимъ счастье обладать имъ, достигъ успѣшно, легко и быстро Богатства, Здоровья и Вліянія и Силу надъ мужчинами и женщинами.

Вы хотите знать Ваши скрытыя дарованія, шансы, затрудненія и препятствія? Хотите улучшить Ваше настоящее положеніе и успѣвать тамъ, гдѣ другіе терпѣли пораженіе? Хотите достигъ полного счастья, привести въ исполненіе всѣ Ваши желанія, быть успѣшнымъ въ дѣлахъ, любви и во всемъ остальномъ?

Я не только укажу Вамъ въ чемъ Вы сильны и въ чемъ слабы; не только укажу Вамъ на ваши скрытыя дарованія и возможности, о которыхъ Вы никогда и не мечтали, но я также укажу Вамъ путь абсолютной силы и какъ Вы немедленно, легко и успѣшно можете удовлетворить всѣ Ваши желанія.

Прочтите, что другіе говорятъ:

Графъ А. . . . знаменитый дипломатъ:
Опредѣленіе моего характера дѣйствительно удивительно вѣрно, а Ваша Система-Успѣхъ—болѣе чудесна, чѣмъ я могъ себя представить.

Баронесса Эпинай:
Я никогда не видала ничего такого, что бы было такъ поразительно вѣрно, какъ Ваше опредѣленіе моего характера, а Вашъ совѣтъ былъ мнѣ значительной помощью.

Г-нъ Александръ Дурандъ, знаменитый коммерсантъ, оперирующій на Биржѣ:
Искренно Вамъ благодаренъ за все, что Вы для меня сдѣлали. Вашъ совѣтъ былъ для меня полезенъ, чѣмъ я могу Вамъ это сказать, и все, что Вы мнѣ сказали, вполнѣ оправдалось.

Подобные шансы имѣются и у Васъ. Пропустите ихъ—значитъ остаться въ такомъ положеніи, въ какомъ Вы теперь находитесь; воспользоваться ими, значитъ: быстрое достиженіе исполненія Вашихъ желаній и амбицій. Въ теченіе десяти—пятнадцати дней все въ Вашемъ существованіи можетъ измѣниться и жизнь Ваша можетъ стать непрерывнымъ теченіемъ полной счастья, здоровья и успѣха.

Напишите мнѣ сегодня же. Возможно, что это предложеніе никогда больше не появится. Я никакой платы не начитаю за опредѣленіе характера и за Урокъ-Успѣхъ, который я Вамъ пошлю, но я только прошу Васъ заплачивать почтовые расходы и расходы по письмоводству. Для этой цѣли Вы должны вложить 50 коп. марками въ писемъ къ

PUNDIT AMAR NATH
180 Craven House, Kingsway,
LONDON, ENGLAND.

ПУНДИТЪ АМАРЪ НАТЪ
180 Крейвенъ Гаусъ, Кингсвей,
ЛОНДОНЪ, АНГЛІЯ.

Письмо въ Англію оплачивается 10 коп. марками.

фото-
графическіе аппараты продаются
ВЪ РАЗСРОЧКУ
въ Т./Д.
ЛОРЕНЦЪ и К^о.
Москва, Мясницкая, д. Сытова № 22/42.
Краткій прейсъ-курантъ и условия разсрочки — безпл.; полный (107 стр.) за 14 к. марк. 30309 2-1

БРЮКИ діагоналевья
за 1 р. 90 к.

Высылаемъ почтой налож. платеж. цѣлый отръзъ вышшаго сорта діагоналя въ 1 арш. 10 верш. для цѣл. брюкъ. Цвѣта: черн., т-син. и зелен. всего за 1 р. 90 к. Діагональ отличается прочн. и практич. въ носкѣ; по желанію высыл. готовые брюки (рейтузы) за 2 р. 90 к. При заказѣ брюкъ указать мѣрку. За пересылку присч. 55 к., при выпискѣ 3-хъ отръзовъ или 3-хъ брюкъ перес. за нашъ счетъ. Не понравив. примим. обратно.

Адресов.: г. Лодзь, фабр. „Лодзинскій Экспортъ“ А. 43. 30340